

НИКА
ЛЕТТА

ДАХОР

ЗАБВЕНИЕ

18+

Ника Летта

Дахор. Забвение

«Автор»

2025

Летта Н.

Дахор. Забвение / Н. Летта — «Автор», 2025

Он потерял власть, магию и зверя, потерял себя. Теперь он в мире , где магии нет. И единственная, кто может стать его опорой — та, чью жизнь он однажды оборвал. Она не помнит его, и не знает, кем он был. Но прошлое не отпускает. И чем сильнее он пытается начать заново, тем ближе становится правда. А правда... правда всё равно её уничтожит

Примечание автора:
Dark fantasy romance (Asian-inspired) «Цикл о нагах, где каждое чудовище однажды встречает того, перед кем уже не может спрятать свою вину» В тексте есть: #начать_заново #опасная_правда #утрата_себя #наги #любовь_и_боль #ирония

© Летта Н., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ОН СДЕЛАЛ ЭТО САМ	5
ГЛАВА 1. ПОЕЗДКА В СЕУЛ	7
ГЛАВА 2. ДОРАМНЫЙ МУЖИК	11
ГЛАВА 3. КОФЕ, СОК И КРАСНЫЙ ФЛАГ	16
ГЛАВА 4. ДОРАМНЫЙ МУЖИК И КРАСНЫЙ ФЛАГ	23
ГЛАВА 5. КОШМАР И ЗМЕИ	29
ГЛАВА 6. НОВОСТНАЯ ВЫШКА	33
ГЛАВА 7. ТО, ЧЕГО Я НЕ ЗНАЮ	38
ГЛАВА 8. УТРО НЕ СПАСАЕТ	47
ГЛАВА 9. НЕ ДЕЛАЙ ИЗ ЛЮБВИ КЛЕТКУ	56
ГЛАВА 10. СЛИШКОМ УДОБНОЕ СОВПАДЕНИЕ	67
ГЛАВА 11. УБЕРИ СВОЕГО ЧЕЛОВЕКА	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Ника Летта

Дахор. Забвение

ОН СДЕЛАЛ ЭТО САМ

Он не вспоминал этот момент он в нём застрял.

Слишком ясно. Слишком точно. Как будто всё ещё стоял там, с рукой, в которой была сила, и с решением, которое уже нельзя было отменить. И самым страшным было то, что Итой не сопротивлялся. Не было борьбы или сомнений, которые можно было бы ухватить и оправдать себя ими позже.

Всё произошло так, как должно было произойти в тот момент быстро, точно, без лишних движений.

Так, как его учили, он сделал это сам отточенными движениями. Не под давлением или в отчаянии и не потому что не было выхода. А потому что поверил, что выбора нет.

Позже он пытался разобрать это по частям. Найти точку, где всё можно было остановить. Слово, жест, хоть что-то, что позволило бы сказать себе: «здесь ты не мог поступить иначе». Но такой точки не было. Было только решение. Его.

И уже потом слишком поздно пришло понимание. Медленно, как трещина, которая сначала кажется линией на стекле, а потом вдруг оказывается тем, что держит весь мир.

В теле Итоя действительно была его искра, не иллюзия и не обман. Она. Та, ради которой он уже однажды пошёл против всего, что знал о себе, о мире, о границах, которые не переходят.

Та, которая научила его чувствовать. Он сошёл с ума не так, как это обычно бывает. Магия отозвалась первой, она словно отступила, перестала откликаться, как будто больше не признавала его. Как будто в тот момент, когда он сделал выбор, она тоже выбрала — не его.

Зверь замолчал навсегда, на его месте образовалась пустота. И только память, которая не давала ни забыть, ни оправдаться. Его обманули. Он знал это. Все было спланировано и подстроено. Подано так, чтобы он не увидел, не почувствовал, не усомнился. Его вели к этому решению. Подталкивали.

Одурманили не только разум, но и восприятие. Так, чтобы всё выглядело логичным. Необходимым. Единственно возможным. Он мог назвать имена. Мог разложить по шагам, как это было сделано.

Мог. Но это ничего не меняло. Потому что в конце — решение всё равно принял он. И именно это он не смог себе простить. Теперь она была рядом. Живая. В другом теле. В другой реальности, которая не должна была пересекаться с той, где он всё разрушил.

Она не помнила. Не знала, кто он. Не знала, что он сделал. Не знала, кем она была для него. И это должно было быть облегчением.

Должно было дать шанс. Но не давало.

Потому что каждый её взгляд, каждое движение, каждая интонация всё это было слишком знакомым. И одновременно чужим. И самым опасным было не то, что он мог снова её потерять. А то, что он мог снова сделать выбор. И снова ошибиться.

Он это уже доказал. И теперь оставался только один вопрос, а сможет ли он на этот раз удержаться... или снова уничтожит всё, к чему прикоснётся.

ГЛАВА 1. ПОЕЗДКА В СЕУЛ

ДАША

Я не помню, как согласилась на эту поездку. В какой-то момент решение просто появилось в моей жизни как факт, не требующий обсуждения: чемодан стоял у кровати, билет лежал на столе, а Сашка уже минут десять наблюдал за мной, опершись о дверной косяк, с таким выражением лица, будто пытался найти во мне что-то, что никак не складывалось в привычную картину.

Это нервировало.

Я сидела на краю кровати, медленно перебирая вещи, и ловила себя на странном ощущении — всё происходящее казалось немного сдвинутым, как будто я не проживала этот момент, а наблюдала его со стороны. Вопрос о том, уверена ли я, прозвучал не в первый раз, но ответ на него не становился яснее.

— А есть вариант не ехать? — спросила я, не столько рассчитывая на реальную альтернативу, сколько проверяя, даст ли он её.

Сашка едва заметно поморщился.

— Есть. Остаться дома.

Он сделал паузу, прежде чем добавить:

— Под присмотром.

Этого оказалось достаточно.

Я коротко кивнула и, не вдаваясь в дальнейшие размышления, задвинула последние вещи в чемодан, словно этим жестом окончательно закрывала вопрос.

— Тогда я, пожалуй, люблю Сеул, — пробормотала я почти без интонации.

Раньше на такую реплику последовала бы реакция — колкость, шутка, привычная попытка вывести меня из равновесия. Но сейчас Сашка молчал. И не просто молчал — смотрел.

Внимательно. Слишком внимательно.

Этот взгляд был хуже любых слов. Он не спорил, не давил, но в нём чувствовалось напряжение, от которого хотелось отвернуться.

— Да перестань ты так смотреть, — не выдержала я, резко застёгивая молнию. — Я никуда не денусь.

— Уже девалась, — тихо ответил он.

Слова прозвучали спокойно, но именно эта спокойная интонация и задела сильнее всего. Потому что он был прав.

Факты никуда не исчезали, сколько бы я ни старалась относиться к ним как к чему-то отдалённому и не до конца реальному. Четыре года комы. Полгода странного состояния, о котором мне говорили с осторожностью, будто боялись задеть. Потом авария. Лондон. Ещё одна потеря сознания.

Я помнила это. Но память была странной — как пересказ чужой жизни, которую мне просто доверили хранить.

После Лондона, о котором я не помнила почти ничего, жизнь будто упрямо решила сделать вид, что всё нормально. Я вернулась, поступила в московский университет на журналистику, ходила на пары, сдавала зачёты, писала тексты, спорила с преподавателями и даже какое-то время почти верила, что если достаточно долго изображать обычного человека, то однажды им станешь.

Не стала.

За годы учёбы вокруг меня творилась какая-то ненормальная ерунда. Сначала я списывала всё на совпадения. Потом — на плохую карму. Потом перестала списывать вообще, потому что совпадения закончились примерно на третьем парне, который попытался за мной ухаживать.

Один просто исчез. Не драматично, не красиво — перестал отвечать, удалил все страницы, будто его выдернули из жизни вместе с аватаркой.

Второй попал в больницу после того, как проводил меня до общежития. Упал с лестницы, хотя лестница была ровная, сухая и вообще не располагала к трагедиям.

Третий тоже оказался в больнице. Уже с чем-то более серьёзным и лицом человека, который видел такое, о чём врачи предпочитали не спрашивать.

Четвёртый после пары свиданий резко уехал к родственникам и больше не появлялся в университете.

А пятый... пятый стал последней каплей.

Он не просто испугался. Его увезли в психиатрическую клинику после того, как он посреди ночи устроил истерику в подъезде и орал так, что проснулся весь дом:

— НЕ ЕШЬ МЕНЯ!

Сначала я пыталась смеяться. Ну потому что что ещё оставалось? Сказать вслух: “Здравствуйте, кажется, всех мужчин, которые ко мне приближаются, преследует невидимая хтонь”? Отличный план. Прямой билет в соседнюю палату.

Но после пятого мне стало не смешно.

Совсем.

И именно тогда поездка в Сеул перестала выглядеть прихотью. Она стала возможностью уехать туда, где никто не знал мою странную статистику, где никто не шептался за спиной, где можно было хотя бы на время перестать ждать, что следующий человек рядом со мной тоже либо пропадёт, либо сломается, либо начнёт кричать что-то про зубы и тьму.

— Я в порядке, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал увереннее, чем я чувствовала на самом деле.

Сашка не стал спорить. Не задал ни одного лишнего вопроса. Но и не отвёл взгляд, и от этого становилось только хуже.

— Саш, — я выдохнула, уже мягче, — ты собираешься снова водить меня по врачам?

— Нет, — слишком быстро.

Я прищурилась.

— Тогда в чём дело?

Он замолчал на секунду, будто подбирая слова, которые в итоге так и не прозвучали.

— Просто будь на связи.

Никаких наставлений. Никаких ограничений. И именно это почему-то вызвало больше тревоги, чем привычный контроль.

Я закрыла чемодан и опустила его на пол, пытаясь зацепиться за что-то более понятное и логичное.

Поездка в Сеул.

Вика. Формально всё выглядело просто: дочь крёстной, с которой мы каждое лето пересекались у бабушки. Но для меня Вика никогда не была просто ещё одной девчонкой рядом. После той злополучной поездки в Лондон мы сблизились и часто созванивались онлайн.

Она была старше на пять лет — в детстве это казалось почти взрослостью. Я ловила её словечки, смотрела, как она смеётся, как закатывает глаза, как не стесняется быть заметной. Рядом с ней всё казалось проще: будто можно однажды вырасти — и тоже стать такой.

Поэтому новости о том, что у Вики теперь «всё серьёзно», вызывали у меня не просто интерес. Скорее странное чувство, будто кто-то взял знакомый с детства образ и подменил. Парень. Стабильность. Какая-то другая жизнь. Сеичи.

Я видела его только на фотографиях, но даже этого было достаточно, чтобы уловить странный дисбаланс: рядом с Викой — той самой Викой, которая могла в один момент сме-

яться, а в следующий уже с кем-то спорить на повышенных тонах — стоял человек, в котором не было ни суеты, ни хаоса.

Он выглядел как тот, кто способен этот хаос выдержать. И, возможно, удержать. Я поймала себя на мысли, что слишком долго рассматриваю эту картинку, и резко отвела взгляд.

Это было глупо.

Не потому что «кореец» или «дорамы» — я уже давно не была настолько наивной, чтобы верить в сказочные совпадения. Но сам образ... ощущение рядом с таким человеком... оно цепляло.

Когда кто-то не разваливается вместе с тобой. Когда можно позволить себе не держать всё под контролем. Когда есть ощущение, что за тебя тоже могут принять решение. Я с силой провела рукой по крышке чемодана, будто стирая эту мысль.

— Ты меня вообще слушаешь? — голос Сашки вернул меня в реальность.

— А? — я моргнула, возвращаясь в момент.

— Если что-то покажется странным — звони.

Я тихо усмехнулась.

— Саш, я лечу в Сеул, а не в какой-то параллельный мир.

На секунду повисла тишина. Я подняла взгляд — и сразу пожалела об этом. Он смотрел серьёзно. Без тени иронии.

— Ты даже не представляешь, насколько это может быть близко, — сказал он тихо.

Внутри что-то неприятно сжалось, но я тут же отмахнулась от этого ощущения, не давая ему разрастись.

— Всё, хватит, — бросила я, поднимая чемодан. — Я просто съезжу, отвлекусь, сменю обстановку... посмотрю на нормальных людей.

И, возможно, хоть немного выдохну.

Последнее я не произнесла вслух, но мысль прозвучала достаточно отчётливо даже для меня самой.

Я направилась к выходу, чувствуя спиной его взгляд. Он ничего не сказал. Но в этом молчании было слишком много того, что я пока не могла — или не хотела — понять.

ГЛАВА 2. ДОРАМНЫЙ МУЖИК

Сам перелёт я почти не запомнила. То ли спала, то ли просто зависала, уставившись в окно, где под крылом самолёта тянулись бесконечные облака. Мысли текли вяло, как после долгой болезни, иногда цепляясь за что-то конкретное, но тут же ускользая.

Странное состояние. Словно меня куда-то везут, а я не до конца понимаю — зачем, но и сопротивляться не хочу. В какой-то момент я поймала себя на том, что мне... просто нормально. Без напряжения. Без постоянного ощущения, что на меня смотрят, проверяют, ждут чего-то.

И этого уже было достаточно, чтобы не задавать лишних вопросов. Когда самолёт начал снижение, внутри впервые за всё время появилось что-то похожее на интерес. Настоящий, живой, пусть и слегка приглушённый.

Аэропорт гудел, как огромный улей: тележки, голоса, объявления, чьи-то дети, запах кофе, духов и усталости. Я шла вместе с потоком, придерживая ручку чемодана, немного заторможенно скользя взглядом по лицам и светящимся табло, и всё это казалось одновременно слишком шумным и каким-то ненастоящим. Будто меня не просто привезли в Сеул, а аккуратно внесли в другую декорацию, не потрудившись толком объяснить зачем.

Впрочем, особенно сопротивляться у меня желания не было.

Сеул был Сеулом. А я, как бы ни пыталась делать вид, что это всё ерунда, всё равно залипала на азиатские лица, на манеру двигаться, на этот особый вайб, который раньше существовал для меня только по ту сторону экрана. После бесконечных разговоров родителей, тревожных взглядов Сашки и ощущения, что дома на меня смотрят так, будто я в любой момент должна сказать или сделать что-то не то, сама мысль о том, что я просто сменю картинку, уже казалась почти подарком.

И тут сквозь общий шум, очень знакомо и очень по-викиному, прорезалось:

— Даша!

Я резко обернулась — и едва успела среагировать.

Потому что уже в следующую секунду в меня влетела Вика. Именно влетела — как яркий снаряд в человеческом обличье, пахнувший дорогим парфюмом, холодом улицы и чем-то смутно знакомым, почти из другой жизни. Она стиснула меня так резко, что я чуть не выпустила чемодан, а сама, кажется, успела за одно это движение и выдохнуть, и засмеяться, и едва не выругаться от переизбытка чувств.

— Господи, Дашка...

Она отстранилась ровно настолько, чтобы впиться в меня взглядом, потом снова ухватила за плечи — крепко, будто боялась, что я сейчас исчезну.

— Нет, подожди. Стой. Я должна посмотреть. Ты правда это ты? Нормальная? Узнаёшь меня? Хотя нет, дурацкий вопрос... — Вика нервно фыркнула. — Хоть что-то из прошлой жизни у тебя про меня осталось или мне снова производить впечатление?

Я моргнула. И вдруг, совершенно неожиданно для себя, улыбнулась.

Потому что вот это было настолько Вика, что даже внутри что-то мягко щёлкнуло, вставая на место. Не идеальная картинка из чужой жизни. Не глянцева счастливая девушка с фотографий. А именно Вика — быстрая, живая, чуть истеричная в хорошем смысле слова, с глазами, в которых всё всегда происходило слишком ярко и слишком сразу.

— Ну... — протянула я, всё ещё немного оглушённая этим напором. — Если брать по шкале от «овощ» до «сойдёт»... наверное, где-то ближе ко второму.

Вика прищурилась, ещё раз окинула меня взглядом, будто действительно проверяла на подлинность, а потом шумно выдохнула.

— Ладно. Уже лучше, чем я ожидала. Хотя выглядишь ты так, будто тебя сначала забыли разморозить, а потом резко вытащили в люди.

— Спасибо, — хмыкнула я. — Вот это я понимаю — тёплый приём.

— А я всегда за честность, — отрезала она, но губы уже дрогнули в усмешке. — И вообще, не надо на меня так смотреть. Я, между прочим, переживала. Очень. Просто красиво переживать я не умею.

— Это я помню, — вырвалось у меня раньше, чем я успела подумать.

Мы обе на секунду замерли.

У Вики чуть изменилось лицо — совсем едва, но я уловила. Как будто она тоже заметила эту оговорку, этот маленький осколок чего-то старого и живого, случайно всплывшего на поверхность.

А потом она, конечно же, всё испортила в своей манере.

— Ну слава богу, — заявила она, картинно закатив глаза. — Хоть какие-то полезные воспоминания у тебя остались. Значит, не всё потеряно.

И вот тут я уже засмеялась по-настоящему.

Тихо, но искренне. И странная тяжесть, с которой я сошла с самолёта, чуть-чуть отпустила. Только после этого я заметила, что рядом с ней кто-то стоит. Точнее — не заметила, а почувствовала. Спокойное, плотное присутствие, совершенно не похожее на вихрь по имени Вика. Я подняла взгляд — и почти сразу поняла, что это Сеичи.

На фотографиях он выглядел впечатляюще. Вживую — хуже. В смысле, опаснее для женской психики.

Высокий, собранный, с тем типом спокойствия, от которого не веяло скукой, а наоборот — становилось чуть не по себе. Не потому что страшно. А потому что рядом с такими людьми сразу особенно остро понимаешь, насколько сам ты состоишь из импульсов, недосыпа и случайных решений.

Я перевела взгляд на Вику. Потом снова на него. И внутренне, очень по-женски, очень некрасиво, но честно подумала: *Вот ведь зараза. Реально нашла себе дораму.*

Потому что это было видно даже без слов. По мелочам. По тому, как Вика стояла чуть впереди и явно говорила за двоих, а он при этом не пытался её заткнуть, осадить или перехватить инициативу, просто держал всё пространство вокруг в своих руках так, будто ему для этого вообще не требовалось двигаться. По тому, как она в этом своём хаосе ни на секунду не казалась одинокой. По тому, как он смотрел — не липко, не демонстративно, а спокойно и цепко, словно всё замечал.

— Это, — Вика махнула рукой в его сторону с таким видом, будто представляла не человека, а свою главную жизненную проблему, — Сеичи. Сеичи, это Даша. Даша, это мужчина, который слишком долго терпит мой характер, а значит либо святой, либо псих.

Сеичи слегка склонил голову.

— Я всё ещё надеюсь, что первое, — ровно произнёс он.

— Не надейся, — мгновенно отозвалась Вика. — У тебя были все шансы, но ты выбрал меня.

— Я заметил.

И вот это «я заметил», сказанное совершенно спокойно, почему-то прозвучало так, что я чуть не фыркнула.

Да нет. Они правда были как в дораме.

Только не в сахарной, где все томно молчат под дождём, а в той хорошей, где героиня вечно несётся не туда, лезет куда не надо, громко живёт, а герой просто однажды смиряется с тем, что теперь это его стиль существования.

И, к собственному стыду, мне от этого зрелища резко стало теплее.

Потому что где-то очень глубоко, очень по-девчачьи и очень не вслух, мне тоже хотелось чего-то такого. Не пафоса, не красивых сцен, не «корейца ради корейца», господи прости. А вот этого чувства — что рядом есть кто-то, кто не устанет от твоего хаоса на третьей минуте и не попытается переделать тебя под удобный формат.

— Чего ты так смотришь? — подозрительно спросила Вика, мгновенно уловив мой взгляд.

— Да так, — невинно сказала я. — Просто оцениваю. Сравниваю с ожиданиями.

— И?

Я ещё раз окинула их обоих взглядом и не удержалась:

— Ну... вынуждена признать, у вас действительно всё как в дораме.

Вика фыркнула так, будто хотела возмутиться, но слишком хорошо понимала, что спорить бессмысленно.

— Только без спецэффектов, — буркнула она. — И с ипотекой в перспективе.

— Романтика нового поколения, — пробормотала я.

— Добро пожаловать во взрослую жизнь, — сухо отозвался Сеичи.

— Нет уж, — Вика тут же ткнула его локтем в бок. — Не порть человеку адаптацию в первые пять минут.

Он даже не поморщился. Только перевёл взгляд на неё — короткий, чуть насмешливый, такой, от которого у меня внутри мгновенно родилась очень нехорошая завистливая мысль, что некоторым вообще-то слишком идёт быть вот так спокойно влюблёнными.

И настроение, как назло, поползло вверх.

Пусть я до конца не понимала, каким образом вообще оказалась в этой поездке и почему все вокруг вели себя так, будто мне срочно нужно сменить обстановку. Пусть за последние недели моя жизнь больше напоминала чужой пересказ, чем что-то своё. Пусть Сашка смотрел на меня слишком внимательно, родители говорили слишком осторожно, а в голове время от времени оставалось ощущение, будто я не до конца попадаю в собственную реальность.

Но здесь, в шумном аэропорту, рядом с Викой, которая не изменилась в своей сути, и с Сеичи, который действительно оказался пугающе похож на героя из дорам, мне вдруг впервые за долгое время стало... нормально.

Почти весело.

И именно в этот момент по коже прошёл холодок.

Лёгкий, острый, как касание сквозняка в закрытом помещении.

Я едва заметно напряглась и автоматически повела плечом, будто пытаюсь стряхнуть это ощущение. Улыбка ещё держалась на губах, но внутри что-то неприятно качнулось.

— Ты чего? — тут же спросила Вика, заметив перемену быстрее, чем я успела придумать, как её скрыть.

— Ничего, — ответила я слишком поспешно и, сама не понимая зачем, обернулась.

Позади была обычная толпа.

Люди с сумками, с пакетами, с сонными детьми, с лицами, на которых читались перелёты, пересадки, встречи и опоздания. Ничего странного. Ничего такого, от чего по спине должен был идти холод.

Я уже почти решила, что мне просто показалось, когда краем глаза всё-таки выхватила движение.

Чуть в стороне, между потоками людей, удалялась очень высокая фигура. Не то чтобы в ней было что-то откровенно неправильное — просто... слишком заметная. Слишком выделяющаяся ростом и какой-то странной собранностью на фоне общей суеты. Я не успела рассмотреть ни лица, ни одежды толком, только сам силуэт, который через секунду уже растворился в толпе.

— Даш? — снова окликнула Вика.

— Да так... — я качнула головой. — Наверное, усталость.

И только повернувшись обратно, заметила, что Сеичи смотрит в ту же сторону, куда секунду назад смотрела я.

Спокойно. Внимательно. Без лишних эмоций. От этого стало чуть менее уютно. Но лишь на миг.

Потому что в следующую секунду он уже перевёл взгляд на нас, а Вика, ничего не заметив или решив не заострять, снова подхватила меня под руку с таким видом, будто собиралась немедленно тащить дальше — в машину, в город, в свою жизнь, не давая мне шанса снова зависнуть в мыслях.

И, если честно, я была не против.

Поэтому просто выдохнула, поудобнее перехватила ручку чемодана и мысленно велела себе не накручивать.

Мало ли кто там шёл. Мало ли почему мне вдруг стало холодно. Я прилетела в Сеул. Меня встретила Вика. У Вики оказался настоящий дорамный мужик. А всё остальное вполне могло подождать.

ГЛАВА 3. КОФЕ, СОК И КРАСНЫЙ ФЛАГ

— Нет, домой сейчас нельзя, — заявила я минут через десять после того, как мы выбрались из аэропорта.

Вика, сидевшая впереди, повернулась ко мне так резко, будто я сообщила о намерении немедленно вступить в корейскую мафию.

— Это ещё почему?

— Потому что если я сейчас приеду, приму душ и сяду в тишине, мой мозг снова начнёт делать вот это вот всё.

— Какое “всё”? — уточнила она подозрительно.

— Накручивать. Анализировать. Вспоминать криповых бывших, психушки и собственную кукуху.

— А-а. Ну да, тогда действительно нельзя домой, — серьёзно согласилась Вика.

С водительского сиденья послышался тихий смешок.

Я покосилась на Сеичи.

Нет, ну это вообще незаконно — быть настолько спокойным за рулём в сеульском трафике. Вокруг сигналили, перестраивались, мигали вывески, люди будто коллективно решили, что правила дорожного движения — это философская рекомендация, а этот человек ехал так, словно контролировал не только машину, но и само движение воздуха вокруг неё.

— Видишь? — ткнула я пальцем вперёд. — Вот поэтому я и говорю, что у вас тут дорама.

— Не начинай, — простонала Вика.

— Поздно. Я уже начала. Мне нужно время адаптироваться к тому, что твой муж выглядит как человек, который в любой момент может либо спасти корпорацию, либо красиво страдать под дождём.

— Во-первых, не муж.

— Пока.

— Во-вторых, — невозмутимо продолжила Вика, — Он вчера полчаса искал свои наушники, которые были у него на шее.

— Это клевета, — спокойно отозвался Сеичи.

— Это было утром.

— Я был сонный.

— Ты был без кофеина.

Вика тнула его кулачком в предплечье. Он ничего не возразил.

— Это многое объясняет.— все так же спокойно ответил он.

Я не выдержала и фыркнула в окно. И, к собственному удивлению, поняла, что мне действительно становится легче. Не идеально. Не “я снова нормальный человек”. Но хотя бы не так, будто меня изнутри постоянно держит что-то ледяное.

— Короче, — подвела я итог, — хочу кофе. И какую-нибудь кафешку. Настоящую. Корейскую. С вайбом.

— С вайбом, — повторила Вика так, будто пробовала фразу на вкус. — Боже, Дашка вернулась окончательно.

— Это временно. Пользуйтесь моментом.

Сеичи коротко взглянул в зеркало заднего вида.

— Знаю одно место.

Конечно знает. У таких мужчин всегда есть “одно место”.

Кафе оказалось именно таким, каким и должно было быть кафе в Сеуле по версии человека, выросшего на дорамах и ночных просмотрах корейских влогов.

Тёплый свет. Стеклянные стены. Деревянные столики. Какие-то минималистичные постеры. Негромкая музыка. Бариста с идеальной укладкой и лицом, будто его тоже кастовали для сериала.

Я даже зависла на входе.

— Всё, потеряли человека, — вздохнула Вика.

— Не мешай мне культурно обалдевать.

Пока мы устраивались за столиком у окна, Сеичи ушёл за заказом. И я поймала себя на том, что автоматически наблюдаю за ним взглядом.

Спокойный. Собранный. Без лишней суеты. Он стоял у стойки так, будто вообще никогда никуда не торопился. И почему-то именно это больше всего цепляло.

Когда тебе самой всю жизнь кажется, что ты либо опаздываешь, либо сейчас что-то рухнет, люди с такой внутренней устойчивостью воспринимаются почти как отдельный вид существ.

— Даже не думай, — лениво протянула Вика.

Я моргнула.

— О чём?

— Я тебя знаю.

— Ничего ты не знаешь. — поперхнулась я воздухом.

— Ты сейчас сидишь и внутренне называешь его “дорамным мужиком”.

Я оскорблённо выпрямилась.

— Неправда. — затем все же добавила — Я уже дошла до “главный герой второго сезона”.

Вика закрыла лицо ладонью.

— Господи...

Я тихо засмеялась и потянулась за меню.

— Кстати, а почему он сам пьёт айс американо? На улице вообще-то не лето.

— Потому что это диагноз, — мрачно сказала Вика. — У них тут половина страны пьёт лёд даже в минус десять.

— А тебе сок?

— А мне нельзя кофеин.

Я подняла взгляд. Вика слишком поздно поняла, что сказала это вслух. Повисла пауза. Потом я медленно перевела взгляд на её живот. Потом обратно на лицо.

— Да ладно...

— Только без визга, — быстро предупредила она.

— Вика?!

Она обречённо выдохнула.

— Ну да.

Я уставилась на неё так, будто мне сейчас сообщили, что коты всё-таки управляют миром.

— Ты беременна?!

— Тише ты!

— Да как тише?! Ты! Беременна!

— Пока ещё не весь Сеул должен это знать.

Я закрыла рот ладонью, пытаясь не начать ржать прямо посреди кафе.

— Нет, подожди... — я ткнула в неё пальцем. — То есть всё. Всё серьёзно-серьёзно?

Вика закатила глаза.

— Даша, я живу с мужчиной, который сортирует специи по степени остроты. Как ты думаешь?

Я захлебнулась смехом ровно в тот момент, когда Сеичи вернулся с разносом.

— Мне стоит волноваться? — спокойно уточнил он, ставя передо мной чашку горячего кофе.

— Уже поздно, — выдавила я. — Я всё знаю.

Он едва заметно перевёл взгляд на Вику. Та посмотрела на него с выражением человека, которого предало собственное лицо. И вот тут я впервые увидела это по-настоящему.

Не шутки. Не флирт. Не “дорамность”. А то, как они друг на друга смотрят. Будто между ними давно выстроился какой-то отдельный язык, в который остальным доступа нет.

И внутри опять кольнуло чем-то странным. Не завистью даже. Скорее тоской по чему-то, чего у меня никогда не было.

Я поспешно уткнулась в кофе. Горячий. Слишком горячий.

— Аккуратнее, — спокойно сказал Сеичи.

— Я в порядке, — автоматически буркнула я.

— Это семейное, — вздохнула Вика.

Я уже собиралась съязвить что-нибудь в ответ, когда внимание вдруг зацепилось за движение чуть дальше. За соседним столиком сидели две кореянки. И очень старательно делали вид, что не пялятся.

Точнее... не совсем.

Одна что-то быстро шептала второй, вторая прятала телефон, потом снова доставала. И косились они то на Сеичи, то куда-то мне за спину.

Я сначала решила, что это из-за него. Ну а что? С таким лицом человек обязан осложнять жизнь окружающим женщинам.

Но потом одна из девушек снова нервно захихикала и осторожно подняла телефон чуть выше. Любопытство победило. Я обернулась.

И на секунду зависла. Потому что за несколькими столиками от нас сидел мужчина с ярко-красными волосами. Не “яркими” в плохом смысле. Не как подросток после неудачного бунта. Нет.

Это выглядело... слишком красиво. Так, будто красный ему был естественным цветом.

Он сидел вполоборота, лениво листая что-то в телефоне, и при этом всё равно умудрялся выглядеть так, будто вокруг него случайно снимается реклама люксового бренда.

Высокий. Очень. Черты лица резкие, цепляющие. Не сладкая айдольская красота, а что-то гораздо опаснее. Я машинально подумала, что это, наверное, какой-нибудь актёр или айдол, просто я опять выпала из жизни и никого не узнаю.

А потом он поднял взгляд. И мы встретились глазами. Меня будто током коротнуло. Не романтично. Странно. Слишком пристально. Слишком... осознанно.

Как будто он не просто посмотрел. Как будто узнал. Я тут же отвернулась обратно к столу, чувствуя, как предательски нагреваются щёки.

Господи. Только этого не хватало. Сейчас ещё Вика решит, что я прилетела в Корею охотиться на айдов.

И именно в этот момент заметила, что они с Сеичи переглянулись. Очень коротко и очень понимающе. У меня внутри всё моментально сжалось. Ну всё. Заметили.

— Что? — настороженно спросила я.

— Ничего, — слишком невинно сказала Вика.

Это было ужасно подозрительное “ничего”. Я немедленно уткнулась в чашку, делая вид, что меня вообще не волнует существование крашенных красивых мужиков в радиусе километра.

Спойлер: волновало. Ещё как. Через пару минут Вика всё-таки поднялась.

— Пойдём, пока ты окончательно не решила, что переехала внутрь дорамы.

— Я ещё сопротивляюсь.

— Вижу я твоё сопротивление.

Мы вышли из кафе первыми. Вечерний Сеул встретил шумом улицы, огнями вывесок и прохладным воздухом. Я только успела вдохнуть поглубже, когда поняла, что Сеичи почему-то не идёт следом.

— А где...

Но договорить не успела. Потому что внутри кафе что-то изменилось, не знаю в чем причина, но через десять минут оттуда вышел очень взъерошенный Сеичи, Вика смерила его недовольным взглядом но ничего не сказала. Мы сели в машину.

Дом у Вики и Сеичи оказался слишком спокойным. Именно это первым делом не понравилось Даше.

Не интерьер, не порядок, не аккуратные линии мебели, не мягкий свет в прихожей, не запах чистоты, кофе и чего-то древесного. Всё это как раз было нормально. Даже слишком нормально — из тех картинок, которые обычно видишь в блогах про “жизнь в Сеуле без фильтров”, где фильтров почему-то больше, чем жизни.

Не понравилась тишина. После аэропорта, кафе, дороги, огней за окнами и Викиного бесконечного комментария ко всему подряд эта тишина показалась нарочитой. Будто дом не просто ждал хозяев, а прислушивался вместе с ними.

— Так, — Вика сбросила обувь и тут же обернулась к ней, — правила простые. Вещи пока туда. Душ можешь принять в гостевой. Полотенца в шкафу. Если захочешь есть — скажешь. Если захочешь спать — тоже скажешь. Если захочешь героически делать вид, что всё нормально, — не скажешь, но я всё равно пойму.

Даша устало прищурилась.

— Ты всегда такая заботливая или это беременность усилила командный режим?

Вика замерла. Сеичи, который как раз ставил чемодан у стены, едва заметно опустил взгляд.

— Я тебе сейчас что-нибудь усилю, — пообещала Вика.

— Всё, молчу. Я гость. Я кроткая. Я благодарная.

— Ты Даша.

— Ну да. Поэтому кроткость будет недолгой.

Вика хотела что-то ответить, но только махнула рукой и улыбнулась — коротко, устало, но по-настоящему. Затем подтолкнула её к коридору.

— Иди. Тебе надо отдохнуть.

Даша послушно пошла. Не потому что резко стала дисциплинированной. Просто силы закончились где-то между кафе и лифтом. За спиной тихо закрылась дверь гостевой комнаты.

ГЛАВА 4. ДОРАМНЫЙ МУЖИК И КРАСНЫЙ ФЛАГ

Вика ещё несколько секунд смотрела в ту сторону. Потом медленно выдохнула.

— Она выглядит хуже, чем пыталась показать.

— Да, — сказал Сеичи.

Одно слово. Спокойное. И именно поэтому Вика повернулась к нему.

— И ты тоже выглядишь хуже, чем пытаешься показать.

Он снял куртку, повесил её на крючок и ничего не ответил. Вот это Вике не понравилось уже окончательно. Но разнос устраивать в прихожей, где за одной дверью только что уложили нервно истощённую девчонку после перелёта, а за второй стояла их обычная жизнь, было неразумно.

Вика умела быть неразумной красиво, шумно и с размахом. Но не при Даше. Пока не при Даше.

— Я в ванную, — сказала она.

Сеичи поднял взгляд.

— Вика.

— Что?

Он смотрел на неё слишком спокойно. И слишком виновато. Это было худшее сочетание из возможных.

— Ничего, — сказал он.

— Вот именно, — отрезала она и ушла.

Ванная встретила её тёплым светом, большим зеркалом и раздражающе ровным отражением.

Вика включила воду, хотя не собиралась сейчас мыться. Просто нужно было чем-то занять руки, пока внутри постепенно поднималось то самое чувство, от которого хотелось либо ударить кого-нибудь полотенцем, либо сесть на край ванны и честно спросить у вселенной, почему она никак не может выбрать для их жизни жанр поспокойнее.

Романтика? Нет, конечно. Бытовая драма? Было бы слишком просто. Мистика, драконы, змайсы, параллельные миры, бывшие мужья, беременность и красноволосые императоры в корейских кафе?

Вот это уже похоже на их уровень идиотизма. Она опёрлась ладонями о раковину и посмотрела на себя в зеркало. За спиной тихо открылась дверь. Вика не обернулась.

— Я сказала, что иду в ванную, а не объявила дипломатическую амнистию.

Сеичи подошёл сзади, остановился совсем близко и осторожно обнял её за талию, она напряглась. Не сильно, просто для принципа. Сеичи положил подбородок ей на плечо и тоже посмотрел в зеркало.

И вот так, в отражении, они оба выглядели почти неправдоподобно спокойными. Она — в домашнем свитере, злая, растрёпанная, беременная и готовая шипеть. Он — с тем самым лицом человека, который уже всё понял, но почему-то решил, что лучший способ выжить — не говорить первым.

Плохой способ. Очень плохой.

— Мы его видели, — сказала Вика.

Сеичи не двинулся. Только пальцы на её талии едва заметно сжались. Она прищурилась, глядя на это в зеркало.

— Не делай вид, что не понял, о ком я.

— Я понял.

— Отлично. Значит, слух ещё при тебе. Уже хорошо.

Он медленно выдохнул. Тёплый воздух коснулся её шеи, и Вика на секунду почти забыла, что собиралась злиться. Но потом вспомнила красные волосы в кафе, девчонок с телефонами, Дашу, которая решила, что увидела какого-то айдола, и Сеичи, который остался внутри явно не потому, что хотел допить кофе.

Внутри снова всё неприятно стянулось.

— Что он тут вообще забыл? — тихо спросила Вика. — Его лет пять не видели. Пять, Сеичи. Столько бы ещё не видели — и все были бы счастливы.

Сеичи молчал. Вика медленно повернула голову, насколько позволяли его руки.

— Ты сейчас серьёзно решил промолчать?

— Я думаю.

— О, нет. — Она резко вывернулась из его объятий и развернулась к нему лицом. — Нет-нет-нет. Вот это вот “я думаю” ты можешь оставить для своих корейских переговоров, где все смотрят друг на друга, пьют чай и делают вид, что никто никому не угрожает. Со мной так не работает.

Сеичи опустил руки, опять слишком спокойно.

— Я не хотел тебя тревожить.

Вика даже рот приоткрыла, закрыла и снова открыла.

— Ты сейчас сам себя слышал?

— Да.

— И как? Не стыдно?

— Немного.

— Немного?!

Она понизила голос до шипения, потому что за стеной спала Даша, а беременной женщине, если верить здравому смыслу, не следовало орать. Правда, здравый смысл в их доме давно ходил на костылях.

— Сеичи, если ты опять от меня что-то утаишь, я тебе клянусь... тебе не сдобровать.

— Я знаю.

— Нет, ты не знаешь. Ты думаешь, что знаешь. Это разные вещи.

Он чуть склонил голову.

— Вика.

— Не “Викай” мне тут. Ты уже один раз решил, что лучше сам разберёшься. Помнишь, чем закончилось? Или мне напомнить?

В его взгляде мелькнуло что-то тяжёлое.

— И, между прочим, ты у меня ещё за Уфу нагоняй не получил.

Сеичи непонимающе перевёл взгляд с её рук.

— За Уфу?

— Да. За Уфу.

— Я думал, мы это обсудили.

— Мы это не обсудили. Я тогда была слишком занята тем, что пыталась не развалиться, не убить кого-нибудь и не потерять последние остатки рассудка. А теперь у меня есть время.

— Вика, я был не виноват.

Она замерла, очень медленно.

— Что?

Сеичи, видимо, понял, что выбрал не лучшую фразу. Но было поздно.

— Я был не виноват, — повторил он осторожнее, и это почему-то прозвучало ещё хуже.

— Я просто вышел за кофе.

— Просто вышел за кофе, — повторила Вика.

— Да.

— И тебя просто окружила стайка девиц?

— Они были туристками.

— Ой, конечно. Туристки. Очень редкий вид. Водятся исключительно вокруг красивых мужчин с лицом “я сейчас спасу кому-нибудь жизнь и не вспотею”.

— Они попросили сфотографироваться.

— Бедный. Как ты выжил?

— С трудом.

— Не нарывайся.

Сеичи опустил взгляд, но уголок его губ дрогнул. Вот это было совсем зря.

— Ты улыбаешься?

— Это нервное.

— У тебя?! — такая наглая ложь едва не заставила ее захлебнуться воздухом.

— Рядом с тобой — бывает.

Вика ткнула его пальцем в грудь.

— Ты мог переключить их внимание.

— Я так и сделал.

Она осеклась.

— Что?

Сеичи спокойно посмотрел на неё.

— Я переключил их внимание.

Вика нахмурилась, а потом до неё дошло.

— На Дахора?

Он ничего не ответил. И вот это молчание было настолько красноречивым, что Вика на секунду даже забыла возмутиться. Потом вспомнила.

— Ты использовал красноволосого императора-змайса как отвлекающий манёвр для корейянок с телефонами?

— Он сам сидел на виду.

— Сеичи!

— Они хотели красивую фотографию. Он выглядел... заметно.

— Заметно?! — прошипела Вика. — Он выглядел как ходячий красный флаг с имперскими травмами!

— Поэтому и сработало.

Она уставилась на него. Несколько секунд просто смотрела. Потом закрыла лицо рукой.

— Господи. Я живу с человеком, который в критической ситуации скармливает фанаткам древнего змайса.

— Не скармливает.

— А что?

— Перенаправляет.

— Сеичи. — предкреждая протянула она.

— Вика.

— Я тебя сейчас укушу.

— Нельзя.

— Почему?

Он опустил взгляд на её живот.

— Ты беременна. Тебе нужно беречь зубы.

Вика медленно убрала руку от лица.

— Ты сейчас очень близок к тому, чтобы узнать, насколько беременная женщина может не беречь твои.

Он почти улыбнулся. И это почему-то добило её окончательно. В действительности она не хотела ругаться из-за девиц или из-за того, что он задержался внутри. А потому что под

всем этим стояло главное. Дахор и рядом с Дашей. И Сеичи не удивился достаточно сильно. Вика снова посмотрела на него, уже без театральной злости.

— Ты знал, что он может появиться?

Сеичи молчал, её сердце неприятно стукнуло.

— Не знал, — сказал он наконец. — Но допускал.

— Почему?

Он провёл рукой по волосам, и впервые за весь вечер его спокойствие дало трещину. Небольшую.

— Не молчи загадками. Я беременная, злая и плохо переношу поэтическую хрень.

Сеичи посмотрел на неё.

— После Лондона, после того, что было с Итоем... я не верил, что связь закрылась окончательно.

Вика сглотнула.

— Ты мне этого не говорил.

— Потому что доказательств не было.

— А теперь?

— Теперь Дахор здесь.

Тишина стала плотной. Вика вдруг очень ясно услышала шум воды из крана. Слишком долго включённого. Бессмысленного. Она повернулась, закрыла воду и снова посмотрела на их отражение. Теперь они выглядели уже не как пара в красивой ванной.

А как люди, которых прошлое снова нашло по неправильному адресу.

— Он пришёл за ней? — спросила она.

Сеичи не ответил сразу и ей это не понравится.

— Возможно.

Внутри всё оборвалось холодным, злым комком.

— Даша даже не знает, кто он.

— Я знаю.

— Она думает, что он айдол.

— Я заметил. — увидев ее говорящее лицо, добавил — Я не позволю ему забрать её.

Фраза прозвучала спокойно, без пафоса. Но именно от этого у Вики по коже прошёл холодок. Она слишком хорошо знала этот тон. Так Сеичи говорил, когда решение уже было принято, а обсуждению подлежали только детали.

— А если он не спрашивать пришёл? — тихо сказала она.

Сеичи посмотрел на неё через зеркало.

— Тогда ему придётся вспомнить, что этот мир не Элтаэ.

— Думаешь, его это остановит?

— Нет.

— Отлично. Прекрасно. Очень успокаивает.

— Но это усложнит ему задачу.

Вика нервно усмехнулась.

— Ты говоришь так, будто мы обсуждаем плохую доставку еды, а не императора, который однажды может решить, что законы физики — это рекомендация.

— Я не недооцениваю его.

— А он тебя?

Сеичи чуть задержал взгляд.

— Возможно.

Вика тихо выругалась. Потом сделала шаг ближе и снова ткнула его пальцем в грудь.

— Слушай меня внимательно, дорамный мужик.

— Слушаю.

— Если ты ещё раз решишь, что можешь защищать меня от правды, я тебя сама сдам Дахору. Пусть он с тобой поговорит о доверии, хвостах, судьбе и прочей вашей мужской катастрофе.

— У меня сейчас нет хвоста.

— Не придирайся к деталям.

— Хорошо.

— И не смей вот так стоять и делать вид, что ты железобетонный. Я знаю, когда ты врёшь спокойствием.

Сеичи чуть мягче посмотрел на неё.

— Я не железобетонный.

— Правда? А то я уже начала переживать, что родила ребёнка от архитектурного объекта.

На этот раз он действительно улыбнулся. Вика хотела разозлиться ещё сильнее, но не получилось.

Потому что в его взгляде было всё то, от чего она каждый раз сбивалась: нежность, усталость, вина и такая упрямая готовность стоять между ней и любой бедой, что хотелось одновременно ударить его и уткнуться лбом в грудь.

Она выбрала первое. Слегка стукнула кулаком.

— Ненавижу, когда ты так смотришь.

— Как?

— Как будто уже решил умереть красиво, но сначала уточнишь, удобно ли мне.

Он поймал её руку.

— Я не собираюсь умирать.

Он притянул её ближе. Вика успела только возмущённо вдохнуть:

— Сеичи, не смей уходить от разговор—

Он закрыл ей рот поцелуем. Таким точным, что все слова у неё действительно рассыпались. Вика упёрлась ладонью ему в грудь — скорее по инерции, чем всерьёз. Секунду сопротивлялась. Вторую. На третьей пальцы сами сжались на ткани его футболки.

Предательские пальцы. Сеичи обнял её осторожно, без давления, помня о животе, но достаточно крепко, чтобы Вика почувствовала: он здесь. Не где-то в своих тайнах, не в будущей драке, не в тревоге, не в просчётах.

Здесь. С ней. Она ненавидела, как хорошо он это умел. Когда он отстранился, она ещё пару секунд молчала.

Потом сузила глаза.

— Это не считается ответом. И разговор не закончен. И нагоняй за Уфу тоже.

— Знаю. — покивал он головой.

— И за корейнок с телефонами.

— Они были безобидные.

— Сеичи.

— Понял.

Она фыркнула и всё-таки позволила ему снова обнять себя. На этот раз сама. Ненадолго. Просто на пару секунд. Потому что за стеной спала Даша, в городе появился Дахор, а прошлое, судя по всему, снова решило, что у него есть право входить без стука.

Вика закрыла глаза, прислушиваясь к ровному дыханию Сеичи рядом с ухом.

— Он не должен к ней подойти, — сказала она тихо.

— Не должен.

— И ты мне всё расскажешь.

— Да.

Она открыла глаза и встретила с ним взглядом в зеркале.

— Всё, Сеичи.

Он выдержал этот взгляд.

— Всё.

Вика очень хотела поверить. Очень. Но где-то глубоко внутри уже знала: если Дахор действительно пришёл за Дашей, одним разговором это не закончится.

ГЛАВА 5. КОШМАР И ЗМЕИ

Я опять была не собой. Это стало понятно не сразу. Сначала была темнота. Плотная, вязкая, такая, что её хотелось отодрать от лица руками. Потом — запах сырого камня, пыли и чего-то горячего, металлического. Крови.

Я стояла в подземелье. Меня шатало на чужих ногах. Тело слушалось не так, будто кто-то снял с меня мою кожу и натянул другую — тонкую, бледную, неправильную. Я подняла руку к лицу и увидела длинные пальцы. Не мои. Красивые. Чужие. Мужские.

Господи.

Я снова была в нём. В каком-то эльфе. Это осозание всплыло само как заноза под ногтем. И сразу же за ним пришёл страх — такой старый и липкий, будто всё это уже происходило, будто я уже однажды пыталась выбраться из этой темноты и не смогла.

Где-то впереди шевельнулась тень. Сначала я решила, что это просто обвалившийся камень сдвинулся в неверном свете. Потом тень поднялась выше. Медленно. Гладко. Огромная.

И я увидела хвост. Чешуя кровавого цвета скользнула по полу с сухим, мерзким шорохом. Камень под ней будто сам уступал дорогу. Хвост был слишком большим и слишком близко. Я попыталась отступить. Чужие ноги не послушались.

— Итой.

Голос прозвучал из темноты низко, спокойно, почти мягко. Я подняла взгляд. Передо мной был силуэт. Я не помнила его лица целиком. Или мой мозг не хотел помнить. В кошмаре он был собран из отдельных деталей: тяжёлый взгляд, вертикальные зрачки и огромный змеиный хвост, который медленно двигался за ним.

Я хотела сказать: “Я не Итой”.

Но горло сжалось. Вместо этого из меня вырвалось что-то жалкое, хрипкое, неразборчивое. Мужской голос. Не мой. Даже страх звучал не моим голосом.

Тень приблизилась. Я почувствовала жар от его тела. Хвост скользнул ближе. Я отступила ещё на шаг и спиной упёрлась в стену. Камень был холодный. Мокрый.

— С тобой что-то не так, — сказал он.

Я замотала головой. Хотела солгать. Хотела придумать что-то умное, высокомерное, стойкое. Хотела хотя бы на секунду стать тем, за кого меня принимали. Но внутри была только паника. Я осталась одна. В чужом мужском теле. Перед чудовищем. В подземелье, которое медленно рушилось вокруг.

Где-то сверху посыпались камни. Мелкие осколки ударили по полу. Стены дрогнули, и тени на них задвигались, будто ожили.

— Нам нужно выбраться, — произнёсла тень.

Я кивнула слишком быстро. Да. Выбраться. Только выбраться. Найти выход. Проснуться. Вернуться. Что угодно, лишь бы не слышать этот шорох хвоста по камню.

Мы пошли по коридору. И чем дальше я шла рядом с ним, тем сильнее ощущала: он смотрит не только глазами. Словно что-то внутри него тянулось ко мне. Обнюхивало.

Я чувствовала это кожей. Ужас расплзался под ней ледяными нитями.

Потом коридор изменился. Свет дрогнул. Стены вытянулись, повторяя друг друга, как отражения в кривом зеркале. Каждый поворот вёл туда же. Каждый шаг отдавался эхом, будто под нами была пустота.

— Ловушка, — сказала тень.

Я почти не слышала его. Потому что на стенах начали проступать лица.

Неясные. Бледные. Слишком знакомые и слишком чужие одновременно. Кто-то тянул ко мне руки. Кто-то открывал рот без звука. Где-то в глубине мелькнуло моё собственное лицо — настоящее, человеческое, испуганное.

Я дёрнулась к нему. И в этот момент потолок треснул. Дальше всё произошло слишком быстро.

Удар. Грохот. Наг рванул меня в сторону, и огромный каменный обломок обрушился туда, где я стояла секунду назад. Но следующий удар пришёлся в него.

Я услышала, как из его горла вырвался сдавленный хрип.

Он рухнул на правую руку. Кровь потекла по боку. Я должна была убежать. Любой нормальный человек в моём положении должен был развернуться и бежать, пока страшный змей занят собственной раной. Но тело уже двигалось к нему. Чужое. Дурацкое. Непослушное.

— Ты ранен, — сказала я чужим голосом.

Он поднял голову. И я увидела, что глаза у него изменились. В них было что-то древнее, голодное и уверенное. Хвост резко шевельнулся.

Я замерла.

— Не надо, — прошептала я.

Но он уже не слышал. Или слышал не так. Его рука сомкнулась на моём плече. Слишком сильно. До боли. Когти царапнули ткань и кожу, и меня накрыло таким животным ужасом, что я перестала понимать, где сон, где память, где чужое тело, а где я сама.

— Я не позволю тебе уйти, — прошепел он.

Я попыталась вырваться. Хвост скользнул по полу. Потом кольцо чешуи обвилось вокруг моих ног. Я закричала. Но голос снова был не мой.

Мужской крик ударился о стены, отразился от них, раскололся на десятки чужих голосов. Хвост поднимался выше, сжимая, лишая движения, забирая пространство. Чешуя была тёплой. Живой. От этого становилось ещё хуже.

Змеи не должны быть тёплыми. Не должны обнимать. Не должны держать так, будто имеют право.

— Ты принадлежишь мне.

Я перестала дышать. Хвост сжал крепче. Внутри меня что-то сломалось. Я дёрнулась, забилась, попыталась оттолкнуть его руками, но чужие пальцы скользнули по горячей коже, по чешуе, по крови. Мир сузился до трёх вещей: шороха хвоста, вертикальных зрачков и фразы, которая снова и снова билась в голове.

Ты принадлежишь мне.

Ты принадлежишь мне.

Ты принадлежишь мне.

А потом огромная змеиная тень поднялась за его спиной. И накрыла меня целиком.

Я проснулась с открытым ртом, но без крика. Воздуха не хватало. Простыня прилипла к спине, волосы — к вискам. Сердце билось так сильно, будто я не спала, а действительно пыталась вырваться из чьих-то колец.

Я резко села на кровати и сразу же пожалела об этом. Перед глазами потемнело. Горло болело, пальцы дрожали, а кожа на ногах всё ещё помнила несуществующее прикосновение чешуи.

Я скинула с себя одеяло так резко, будто оно могло ожить. Потом долго сидела, подтянув колени к груди, и пыталась убедить себя, что в комнате никого нет.

Никакого хвоста. Никаких чешуй. Никаких глаз. Только гостевая комната в квартире Вики и Сеичи. Мягкий полумрак. Закрытая дверь. Чемодан у стены. Чужой город за окном.

Сеул. Не подземелье. Сеул.

Я заставила себя встать. Ноги подгибались, но держали. На всякий случай я обошла кровать подальше от одеяла. Глупо. Очень глупо. Но мысль о том, что ткань снова коснётся кожи, вызвала такую волну отвращения, что я едва не заскулила.

У окна было прохладнее. Я отодвинула штору и замерла. За стеклом занимался рассвет.

Сеул просыпался не сразу. Сначала серело небо между высотками. Потом на стёклах соседних домов появлялись бледные полосы света. Где-то внизу уже двигались машины, но отсюда они казались почти игрушечными. Город выглядел спокойным, чужим и удивительно настоящим.

Я прижалась лбом к холодному стеклу.

Тридцать один.

Мне тридцать один год.

В этом возрасте люди уже работают. Строят карьеру. Снимают нормальные квартиры. Выплачивают ипотеки. Планируют детей. Покупают мебель не “потому что была скидка”, а потому что она подходит к интерьеру.

А я?

А я только закончила учёбу. Только-только.

Журналистика. Университет. Шесть лет, растянутых так странно, будто я не училась, а пыталась доказать миру, что всё ещё умею жить по расписанию. Пары, зачёты, тексты, редакция, практики, диплом. Всё как у людей.

Почти. Если не считать четырёх лет комы. Провалов памяти. Аварии. Восстановления. Мужиков, которые рядом со мной либо исчезали, либо оказывались в больницах, либо орали “не ешь меня” так, что потом об этом шепталась половина потока.

Я закрыла глаза.

После Сеула придётся вернуться. Домой. На родину. И начать искать работу.

Настоящую. Взрослую. Такую, где никто не будет делать скидку на то, что ты четыре года выпала из жизни, потом полгода собирала себя по кускам, а потом ещё шесть лет делала вид, что диплом способен заменить нормальную биографию.

Я тихо выдохнула, оставляя на стекле мутное пятно. За окном светлело. А внутри всё ещё шуршала чешуя.

ГЛАВА 6. НОВОСТНАЯ ВЫШКА

ДАХОР

Сеул за стеклом был влажным, серым и раздражающе живым.

Дахор стоял у окна на верхнем этаже башни, принадлежавшей одной из его компаний, и смотрел вниз, на город, который за шесть лет так и не стал ему своим. Слишком много прямых линий. Слишком мало запахов, на которые можно было положиться. Слишком много людей, которые умели прятаться за телефонами, экранами, банковскими счетами и законами, написанными так, будто слабые действительно верили, что бумага способна удержать сильного.

Смешной мир. И всё же он выжил здесь. Больше того — подчинил себе достаточно его правил, чтобы больше не чувствовать себя зверем, выпущенным в стеклянную клетку.

На столе позади него лежали отчёты. Не свитки. Не пергаменты. Не донесения, скреплённые родовой печатью. Аккуратные распечатки, планшет, несколько телефонов, открытый ноутбук и тонкая папка с логотипом медиахолдинга, который на Земле называли “международной новостной группой”.

Дахор до сих пор считал это название уродливым.

Но полезным.

Новостные вышки. Каналы. Региональные редакции. Аналитические отделы. Журналисты, продюсеры, редакторы, стрингеры, корреспонденты. Москва. Лондон. Сеул. Берлин. Стамбул. Нью-Йорк. Несколько филиалов, зарегистрированных так, что ни один смертный юрист не смог бы с первого раза понять, кто именно стоит наверху.

Дахор понимал.

Он всегда понимал, кто стоит наверху.

В Элтаэ для этого требовалась власть, кровь и Сердце Пламени. Здесь — счета, советы директоров, договоры, влияние, информация и люди, которые искренне верили, что продают не себя, а “экспертизу”.

Разница была меньше, чем хотелось бы местным.

На экране ноутбука мигнул входящий вызов.

Имя высветилось сухо, почти насмешливо:

ИТОН HORTAR.

Дахор несколько секунд смотрел на него, не двигаясь.

Потом всё же принял вызов.

На экране появилось лицо Итоя. С раздражающе собранным выражением, светлыми волосами, чуть прищуренными глазами и тем видом существа, которое даже в чужом мире сумело устроиться так, будто мир был создан исключительно для его временного неудобства.

За его спиной виднелась полка с книгами, тёплый свет лампы и край женского плеча в мягком домашнем свитере. Благоверная Итоя прошла мимо, не глядя в камеру, но Дахор уловил движение её руки: она поставила рядом с ним чашку.

Итой даже не обернулся. Только пальцами коснулся её запястья — коротко, почти небрежно. Но в этом жесте было больше собственничества, чем в иных брачных клятвах.

— Судя по твоему выражению лица, — произнёс Итой, — Можно предположить, что либо кто-то умер, либо ты наконец решил признать, что шесть лет ведёшь себя как плохо обученный шпион с императорским бюджетом.

Дахор медленно опустился в кресло.

— Ты всегда начинаешь разговор с оскорблений?

— Нет. Иногда я начинаю с “здравствуй”. Но сегодня у меня нет настроения лицемерить.

— У тебя его никогда нет.

— Неверно. У меня прекрасное настроение для лицемерия, когда собеседник этого достоин.

Дахор смотрел на экран молча. Итой чуть наклонил голову.

— Вот теперь стало интересно.

— Я видел её. В Сеуле.

— У Виктории?

— Да.

Итой тихо выдохнул через нос.

— Разумеется. Если реальность решила снова испортить кому-то жизнь, она обязательно выберет место, где уже есть Виктория, Сеичи и достаточно бытовых предметов, чтобы при первой же драке разрушить квартиру красиво.

— Ты знал, что она туда полетит. И не сказал.

— Я не твой секретарь, Дахор.

— Итой.

— Что? — эльф прищурился. — Ты шесть лет следил за ней так тщательно, что знаешь, какие курсы она брала в университете, с кем пила кофе после пар, кого заблокировала после второго свидания и у какого преподавателя получила первый серьёзный разнос за репортаж. Не делай вид, что тебе требовался мой отчёт о билете.

Дахор не пошевелился. Итой слишком хорошо умел видеть не только действия, но и то, что стояло за ними. Именно поэтому когда-то был рядом. Именно поэтому Дахор не убил его после всего. Хотя иногда до сих пор хотелось.

— У тебя по-прежнему слишком длинный язык.

— Зато у тебя по-прежнему слишком длинный план, — отозвался Итой. — Дай угадаю. Ты не просто купил медиахолдинг с филиалом в Москве, потом расширил его до образовательных стажировок, потом создал молодёжную журналистскую программу, потом открыл азиатское направление, а теперь, случайно и совершенно ненавязчиво, собираешься предложить выпускнице журфака Даше работу в международной редакции. Желательно там, где ты сможешь видеть её чаще, чем положено работодателю, но реже, чем хочется твоему зверю.

Дахор молчал.

— Боги, я угадал. — поперхнулся чаем эльф

— Не угадал.

— Разумеется. Ты ведь назвал это не “планом приблизить женщину”, а “многоуровневой стратегией адаптационного внедрения через профессиональную среду”. Или как-нибудь ещё ужаснее.

— Её состояние нестабильно и на нее нельзя давить.

— Я знаю.

— Ей нужна причина войти в пространство, где она не почувствует угрозы.

— Вот это особенно мило, учитывая, что этим пространством будет твоя новостная империя.

Дахор откинулся на спинку кресла.

— Её специальность — журналистика.

— Как удобно.

— Я приобрёл активы до того, как она закончила университет.

— Ещё удобнее.

— Я не мог появиться перед ней без основания.

— Не мог? — переспросил Итой с ядом. — Или не решался?

В кабинете стало очень тихо. Даже город за окном будто отступил дальше от стекла. Дахор медленно поднял взгляд на экран.

— Осторожнее.

— Я уже был мёртв, Дахор. — фыркнул Итой и поставил чашку в сторону — Угроза потеряла свежесть.

— Ты живёшь только потому, что она просила.

— Я живу потому, что ты однажды всё-таки научился отличать виновного от удобного горла. Не преувеличивай собственную милость.

Губы Дахора едва заметно дёрнулись в предупреждении. Итой заметил, но, как всегда, не счёл нужным остановиться.

— Давай без имперских поз. Мы оба знаем, почему ты вышел на связь.

Дахор отвёл взгляд к папке на столе. На верхней странице была фотография. Обычный университетский снимок: Даша у входа в корпус, с рюкзаком на одном плече, в тёмном пальто, волосы растрепались от ветра. Она смотрела не в камеру. Кажется, спорила с кем-то за кадром.

На лице — усталость и упрямство. Та самая смесь, которую Дахор слишком хорошо помнил по чужому телу.

— Я видел искру, — произнёс он Итой медленно провёл пальцами по краю стола.

— Что именно?

Дахор помнил. Слишком точно. Кафе. Тёплый свет. Стекло. Шум чужих голосов. Сеичи у стойки. Вика рядом с Дашей. Девушки с телефонами, которые заметили сначала его волосы, потом лицо, потом что-то ещё, что люди этого мира называли “эффектностью”, не понимая, как близко иногда бывают к слову “опасность”.

И Даша. Она обернулась не сразу. Потом их взгляды встретились. И зверь внутри Дахора, шесть лет загнанный в молчание, поднял голову так резко, что на миг мир стал слишком маленьким.

Не тело Итоя. Не чужая оболочка. Она. С её испуганными глазами, слишком живой реакцией, земным запахом кофе, усталости, чужого города и тревоги, которая давно въелась под кожу.

Искра была слабой. Повреждённой. Словно кто-то когда-то протащил её через несколько миров, смерть, чужое тело, магический клинок и назад, оставив края обугленными.

Но она была. Желанная. Его. Дахор сжал пальцы на подлокотнике кресла. Дерево тихо хрустнуло.

— Зверь узнал её, — сказал он, Итой прикрыл глаза. — И потянулся.

— Насколько сильно?

Дахор молчал. Итой открыл глаза.

— Настолько?

— Я не приблизился.

— Хвала остаткам твоего разума.

— Она меня испугалась.

— Разумеется, испугалась. В её памяти ты огромный змей, который однажды удерживал её хвостом в теле мужчины и, вероятно, произнёс что-нибудь чудовищно собственническое.

Дахор резко посмотрел на него. Итой замер. Потом очень медленно выпрямился.

— Ты произнёс.

Дахор ничего не ответил. На лице Итоя появилось выражение существа, которому судьба только что подарила одновременно великолепное оружие и мигрень.

— Что именно?

— Это не имеет значения.

— Имеет, если она это помнит.

— Она не должна помнить.

— Ты сам только что сказал, что видел искру. После всего, что было с Лондоном, телами, воронками и Дашиной психикой, ты всё ещё используешь слова “не должна”? Очень смело.

Дахор встал. Он не любил сидеть, когда внутри зверь начинал двигаться. Человеческая форма на Земле и без того была слишком тесной. Ноги вместо хвоста до сих пор иногда казались компромиссом, заключённым под давлением идиотских обстоятельств, а точнее штанов.

Он прошёл к окну.

— Она не знает меня.

— Хуже. Она знает кошмар о тебе.

— Я спас её. А потом, судя по твоему лицу, сделал так, что спасение стало выглядеть как начало плена.

Дахор обернулся.

— Я был не в себе.

— Прекрасное начало объяснения для женщины с моральной травмой. Обязательно начини именно так.

— Итой.

— Нет, Дахор. Сейчас слушай ты.

Голос эльфа стал холоднее. Не насмешливым и не ядовитым, как обычно, на удивление серьёзным. И от этого Дахор остановился.

— Шесть лет назад, — сказал Итой, — у нас уже был этот разговор.

Дахор не ответил.

— Ты стоял примерно с таким же лицом. Только тогда у тебя ещё не было ни башни, ни филиалов, ни международных редакций, ни привычки надевать костюм так, будто это новый вид боевой брони. Ты тогда говорил, что ей нужно время. Что она сломана. Что она должна восстановиться. Что появляться рядом опасно. Что любое давление может добить её.

— Так и было.

— Да. Было. — Итой кивнул. — Но знаешь, в чём твоя проблема? Ты сделал из правильного вывода удобную тюрьму для себя самого.

Дахор медленно сузил глаза.

— Я обеспечил ей безопасность.

— Ты следил.

— Я предотвращал угрозы.

— Ты устранял парней, которые пытались к ней приблизиться?

Пауза вышла слишком короткой. Итой усмехнулся.

— О, вот теперь мы добрались до интересного.

— Я никого не убивал.

— Какая сдержанность. Почти земная этика.

— Один исчез потому, что был связан с наркотиками.

— И ты, конечно, просто помог ему исчезнуть быстрее?

— Второй сссам упал. — голос опустился до шипения.

— После того как твои люди “поговорили” с ним?

— Он был пьян.

— Третий?

— Агрессивен.

— Четвёртый?

— Ненадёжен.

— Пятый? — голос Итой стал особенно мягким.

Дахор на секунду прикрыл глаза. Пятый был ошибкой. Не его. Зверя. Дахор не прикасался к мальчишке. Даже не появлялся рядом. Но тот подошёл слишком близко. Обнял Дашу у подъезда. Она напряглась, но не оттолкнула. Улыбнулась неуверенно. Позволила проводить себя до двери.

А зверь, наблюдавший через экран, поднял голову.

Той ночью мальчишке приснился сон. Всего лишь сон. Дахор не планировал этого. Не знал, что связь способна ударить через него, через искру, через остатки старого прохода. Не хотел видеть, как смертный самец просыпается с криком, царапает дверь, зовёт мать, а потом несколько часов повторяет одно и то же: **не ешь меня**.

Дахор открыл глаза.

— Я не намеренно.

Итой медленно откинулся на спинку стула.

— Вот это, полагаю, нужно будет выбить на твоём надгробии.

— Он прикоснулся к ней.

— Он был двадцатилетним идиотом, который пытался ухаживать за девушкой.

— Она боялась.

— Она всего боится, Дахор. В этом, если ты не заметил, и состоит проблема.

Дахор отвернулся к окну. Город внизу двигался. Люди шли по улицам. Машины останавливались у светофоров. Где-то в соседней башне за стеклом горели офисы, и смертные, наверняка, считали себя важными, потому что сидели там ночью и писали письма друг другу.

Их мир был шумным. Но Дахор слышал только одно: собственный зверь скрёбся под рёбрами, требуя идти. Найти. Забрать. Удержать. Спрятать от всех, кто может снова ранить, напугать, коснуться, увести. Простая логика. Честная. Чудовищная.

Инстинкт был такой сильный, что он резко поднялся с кресла, и через две секунды...

...штаны треснули.

Итой быстрое прикрыл руками экран. Пол в офисе едва не застонал под мощью хвоста.

— Держи себя в узде. Мы здесь не одни. — послышался недовольный голос.

Дахор не преминул бросить камень в его огород. Не одному другу ведь дергать его за хвост.

— Переживаешь, что Шарлоте понравится?

— Иди к хасу...

Связь оборвалась. Дахор остался один на один со своими мыслями.

ГЛАВА 7. ТО, ЧЕГО Я НЕ ЗНАЮ

Шарлотта Маккензи не любила работать после полуночи. Не потому что верила в здоровый режим, бережное отношение к нервной системе и прочие прекрасные человеческие иллюзии, которые Итой Хортар обычно встречал выражением лица человека, лично оскорблённого существованием биологии.

Нет.

Просто после полуночи документы начинали вести себя наглее.

Чернила на старых письмах казались темнее. Пробелы в описях — намереннее. Имена, вымаранные из родословных, уже не выглядели случайно утраченными, а будто прятались в складках бумаги, ожидая, пока кто-нибудь достаточно упрямый снова попытается их назвать.

Шарлотта сидела за большим столом в кабинете, который за последние пять лет перестал быть кабинетом и окончательно превратился в архивную берлогу. На столе сейчас лежали три папки.

Первая: **Что известно.**

Вторая: **Что предполагается.**

Третья: **Что мистер Хортар опять попытался назвать несущественным.**

Третья папка была самой толстой. Не потому что Итой продолжал ей лгать. С этим за шесть лет стало лучше. Значительно лучше. Иногда почти терпимо.

Но он всё ещё обладал поразительной способностью смотреть на смертельно важный факт и произносить:

— Пока рано делать выводы.

Что в переводе с хортарского означало:

“Я уже сделал пять выводов, три из них мне не нравятся, четвёртый опасен для вас, а пятый я собираюсь проверить самостоятельно, пока вы не начали задавать неудобные вопросы”.

Шарлотта научилась слышать этот перевод без слов.

На краю стола остывал чай. За окном висел лондонский туман — не настоящий, городской, привычный, а тот самый, который последние годы всё чаще появлялся без разрешения. Он не стелился. Не полз. Он ждал.

Шарлотта не смотрела на окно слишком долго. Если смотреть на туман слишком долго, начинало казаться, что под ним есть берег, которого нет на карте.

Она осторожно перевернула страницу. На гравюре была изображена девушка у входа в холм.

Сначала — обычный фольклорный сюжет. Девушка в длинном платье, тонкая фигура, распущенные волосы, руки сложены у груди. За её спиной — деревня, маленькая церковь, люди с факелами. Перед ней — раскрытый склон холма, внутри которого стояли высокие фигуры.

Слишком красивые для людей и неподвижные для живых. И очень похожие на тех, кто не просит, потому что слишком давно привык получать. Под гравюрой старой рукой было выведено:

“Она сказала, что не знает его. Он ответил, что помнит за двоих.”

Шарлотта замерла. Потом медленно потянулась к красной ручке. За спиной щёлкнуло — негромко, почти незаметно. Дверь кабинета не открылась. Просто в коридоре изменился воздух.

Итой стоял за порогом. Не вошёл. Это давно перестало быть случайностью и стало одним из тех правил, которые не обсуждали каждый раз, потому что однажды обсудили слишком болезненно.

Шарлотта не подняла головы.

— Если ты стоишь там дольше минуты, значит, либо нашел что-то неприятное, либо снова решаешь, выдержи ли я правду. Начни с правильного варианта.

— Оба.

Она поставила точку рядом с подписью под гравюрой.

— Уже лучше. Раньше ты начал бы с третьего варианта.

— Какого?

— С “Шарлотта, сейчас не лучшее время”.

— Я был молод.

— Тебе было несколько столетий.

— Внутренне я был менее развит.

— Спорное, но допустимое замечание.

Итой всё ещё не вошёл. Шарлотта наконец подняла взгляд.

Он стоял в дверном проёме в тёмных домашних брюках и рубашке с расстёгнутым воротом. Волосы были чуть растрёпаны, на лице — то самое выражение раздражающего спокойствия, которое он использовал, когда внутри уже успел мысленно вскрыть чужой заговор,

похоронить два варианта развития событий и составить список людей, которых следовало бы запереть в подвале до выяснения обстоятельств.

В правой руке он держал папку. Левая была полусжата. Шарлотта посмотрела на ладонь.

— Болит?

— Нет.

Она молча подняла бровь. Итой посмотрел на собственную руку так, будто та его предала.

— Меньше, чем могло бы.

— Это не ответ.

— Да. Болит.

Шарлотта откинулась на спинку кресла.

— Туман?

— Дахор.

Это было хуже. Она посмотрела внимательнее.

— Что он сделал?

— Разговаривал.

— Не представляю, как это могло причинить боль твоей ладони.

— Ты удивительно недооцениваешь Дахора как источник мигрени.

— Мистер Хортар.

Он выдохнул. Почти беззвучно.

— Он видел её.

Шарлотта сразу поняла, о ком речь.

Имя ещё не было произнесено, но в комнате будто стало теснее. Последние недели оно всё чаще появлялось в их разговорах: в заметках Итой, и в сухих заметках кровавого нага, в тех осторожных формулировках, которыми все пытались описать женщину, однажды вырванную из собственной жизни и возвращённую назад не целой, а собранной заново.

Шарлотта закрыла папку с гравюрой.

— Он приблизился?

— Нет.

— Это хорошая новость.

— Относительно.

— Он напугал её?

Итой молчал достаточно долго, чтобы ответ стал очевиден. Шарлотта сняла очки и положила их рядом с чашкой.

— Он напугал её.

— Она увидела его в кафе. В Сеуле. С Викторией и Сеичи.

— И?

— Искра отозвалась.

Слово “искра” Шарлотта не любила. Не потому что оно было неточным. Как раз наоборот. Оно было слишком удобным. Красивым. Коротким. Из тех слов, которыми мужчины с трагическим прошлым любят заменять живого человека, чтобы потом не замечать, как превращают его в символ.

Она открыла третью папку — ту самую, про мистера Хортара и “несущественное”.

— Поставим пока в раздел “опасные формулировки”.

— Я передаю его слова.

— Ты мог бы передать их с предупреждающей маркировкой.

— “Осторожно: бывший император снова перепутал женщину с метафизическим подтверждением своих прав”?

— Вот видишь, когда хочешь, ты способен на точность.

Итой всё же вошёл. Только после того, как она коротко кивнула на кресло напротив. Он положил папку на стол, но не сел сразу. Шарлотта заметила.

— Там что-то ещё. Опасное для нас?

— Потенциально.

— Опасное для твоего желания всё контролировать?

— Катастрофически.

— Тогда садись. Это обещает быть полезным.

Он сел. Некоторое время они молчали. Часы на стене показывали двадцать минут второго. Шарлотта видела, как Итой не смотрит на циферблат. Именно не смотрит — слишком старательно, слишком осознанно.

За шесть лет она выучила эту его способность: избегать предмета так явно, что предмет становился центром комнаты.

— Ты опять считаете месяцы? — спросила она. — Или дни?

— Нет.

— Тогда что?

— Вероятность.

— И чем вероятность отличается от дней?

— В ней больше достоинства.

— В ней больше трусости, потому что она выглядит научнее.

Итой медленно поднял на неё глаза. В них не было обиды. Было то самое утомлённое признание попадания, которое за годы стало почти интимнее прикосновения.

— Осталось меньше года, — сказал он.

Шарлотта снова надела очки. Ей нужно было что-то сделать руками.

— Я умею считать.

— К сожалению.

— Ты предпочел бы, чтобы я забыла?

— Я предпочёл бы, чтобы этого срока не существовало.

— Это не ответ на вопрос.

— Нет, — сказал Итой. — Я не хочу, чтобы ты забывала.

Она посмотрела на него поверх оправы.

— Хорошо.

— Но иногда я хочу, чтобы ты хотя бы на день перестала помнить.

— За меня?

Он прикрыл глаза.

— Да.

Ответ был честным. Не красивым, не правильным, но честным. Именно поэтому Шарлотта не ударила его папкой.

— Это твоё желание, — сказала она. — Не моё обязательство.

— Я знаю.

— Ты всё ещё иногда говоришь “я знаю” так, будто хочешь, чтобы этого было достаточно.

— Старая привычка.

— Очень старая.

— Чудовищно старая, — отозвался он автоматически.

И вот это было уже их. Фраза, однажды сказанная в больничной палате, обросшая годами, спорами, усталостью, примирениями, закрытыми дверями, разрешёнными входами и тем странным доверием, которое не появилось внезапно, а было выстрадано почти оскорбительно медленно.

Шарлотта открыла новую папку Итоя. Первая страница называлась **То, чего я не знаю. Обновлено.** Она задержалась взглядом на слове “обновлено”.

— Прогресс.

— Унижает меньше, если делать регулярно.

— Нет.

— Нет?

— Просто ты привыкли к унижению.

— Жестоко.

Он почти улыбнулся. Потом улыбка исчезла. Шарлотта перевернула страницу.

На второй были фотографии. Старые гравюры, фрагменты каменной резьбы, сканы из частных архивов, две страницы на гэльском с аккуратными пометками Итоя на полях. Его почерк за шесть лет стал легче разбирать, но только потому, что она однажды сказала: если он хочет, чтобы его записи считались аргументом, пусть перестанет писать как человек, которому бумага лично задолжала.

В центре страницы была та же фраза, что под гравюрой: **“Он помнил за двоих.”** Шарлотта медленно выдохнула.

— Это не единичный мотив. Похищенные девушки. Подменённые дети. Люди, вернувшиеся из холмов не собой.

— Да.

— И ты считаешь, что это не просто фольклор.

— Я считаю, что фольклор иногда честнее официального отчёта. Он хотя бы не делает вид, что всё было несчастным случаем.

Шарлотта оценила укол. Не против неё. Против прошлого, Эшкрофтов, Фаррингдонов, всех тех, кто когда-то надеялся превратить покушение в аварию, подмену в ошибку каталога, а древний замок в декоративный элемент часового механизма.

Она снова посмотрела на гравюру.

— Фейри узнавали души. И считали, что память даёт им право. Тебе это ничего не напоминает?

Итой провёл пальцем по краю чашки, которую она поставила ему раньше — во время звонка Дахора. Он не пил. Чай давно остыл.

— В ирландских и шотландских записях повторяется один и тот же конфликт, — сказал он. — Существо из холма узнаёт человека. Человек не помнит. Существо требует, чтобы тот вспомнил. Если человек отказывается — его уводят. Если сопротивляется семья — появляется подмена, болезнь, безумие, исчезновение. Позже люди описывают это как каприз фейри.

— А на самом деле?

— На самом деле, возможно, это были не капризы.

Шарлотта смотрела на текст.

— А преступления любви.

Итой замолчал. Она подняла взгляд.

— Что?

— Я собирался сказать “нарушения закона выбора”.

— Это одно и то же, если убрать академическую трусость.

— Ты сегодня безжалостна.

— После полуночи документы ведут себя наглее. Я отвечаю соответственно.

Он всё-таки взял чашку, будто ему нужно было занять руки. Шарлотта заметила, как дрогнули его пальцы.

— Болит?

Итой не ответил. Она закрыла папку.

— Вот теперь мы дошли до того, что вы пытались назвать несущественным.

— Я ничего не называл несущественным.

— Молчишь структурно.

— Это новый вид обвинения?

— Это точное описание твоего поведения.

Он опустил чашку.

— Ладонь начала болеть сильнее три дня назад.

— И ты говоришь мне об этом сейчас?

— Боль была слабой.

— И ты как обычно решил, что слабая боль в руке, которой ты однажды разбудили камень, связанный с источником фейри, временем, Темзой, моей смертью и твоей будущей версией, не заслуживает упоминания?

— В такой формулировке это звучит плохо.

— В любой формулировке это звучит плохо.

— Я хотел сначала проверить.

— Нет.

Одно слово и Итой сразу застыл. За годы он научился останавливаться не только перед закрытой дверью, но и перед её голосом, если в нём звучала та самая граница.

Она медленно сняла очки.

— Итой.

Он поднял глаза.

Она редко называла его по имени, когда злилась. Обычно “мистер Хортар” становилось достаточно острым инструментом. Имя же означало не светскую дистанцию, а то, что сейчас речь пойдёт не о манерах.

— Ты не обязан избавлять меня от каждой тревоги до того, как я её почувствую.

— Я знаю.

ГЛАВА 8. УТРО НЕ СПАСАЕТ

ДАША

Я стояла у окна, пока город окончательно не решил, что пора быть настоящим. Сначала Сеул был серым, почти плоским, будто кто-то не успел дорисовать ему объём. Потом между высотками пополз свет. Не яркий, не радостный — просто упрямый. Такой, который не спрашивает, готова ли ты к новому дню. Он приходит, потому что ему положено.

Очень невежливо с его стороны.

Я отлипла лбом от стекла и сразу поняла, что совершила ошибку. Комната качнулась. Не сильно. Так, на полшага. Но этого хватило, чтобы внутри всё неприятно сжалось.

Я подняла ладонь перед лицом. Пальцы обычные. Не длинные, не слишком изящные, не чужие. Ногти короткие. Кожа светлая, но не та бледная, неправильная, которую я видела во сне. Запястье тонкое. Родинка у основания большого пальца на месте.

Я сжала пальцы в кулак. Разжала. Снова сжала.

— Ну привет, — тихо сказала я собственной руке. — Давно не виделись. В смысле... видимся постоянно, но после сегодняшнего ночного цирка требуется официальное подтверждение личности.

В квартире было тихо. Где-то далеко глухо загудел холодильник. За окном прошла машина. Из кухни едва заметно тянуло кофе.

Потом за дверью раздался осторожный стук. Я вздрогнула так сильно, что локоть соскользнул с раковины.

— Даш? — голос Вики был тихим. — Доброе утро...ты как там проснулась?

— Технически да, — отозвалась я. — Эмоционально — надо уточнить у ответственного отдела.

За дверью помолчали.

— Я сейчас выйду.

— Не торопись.

Раздались шаги. Вика отошла. Я ещё пару секунд стояла, глядя в зеркало. Потом быстро умылась, почистила зубы и переоделась. Когда я вышла, Вика сидела на кухне за столом и делала вид, что не караулит. Перед ней стояла чашка с чем-то травяным. Рядом — тарелка с тостами, нарезанные фрукты и маленькая миска с чем-то корейским, что выглядело одновременно полезно и подозрительно.

Сеичи стоял у кофемашины. В домашней футболке, с чуть влажными после душа волосами. Увидел меня — и не сделал ни шага навстречу. Просто посмотрел. Ненавижу, когда люди умеют правильно стоять. Это выбивает из колеи.

— Доброе утро, — сказал он.

— Спорное утверждение, но допустим.

Вика подняла чашку.

— Кофе? Еда? Разговоры о чувствах?

— Вика.

— Всё, поняла. Кофе, еда, отрицание.

— Идеальное меню.

Сеичи поставил передо мной чашку. Чуть дальше, чтобы я сама потянулась, если захочу. Я заметила это. И от этого стало одновременно легче и противно. Легче — потому что он не лез. Противно — потому что я заметила. Я села за стол и обхватила чашку ладонями. Тепло. Нормальное. Не как чешуя. Не живое. Просто кофе.

— Ты рано встала, — сказала Вика.

— Джетлаг.

— Ты прилетела вчера.

— Я очень талантливая.

— Угу.

Сеичи говорил мало, но периодически ставил на стол что-нибудь полезное: воду, фрукты, тост, маленькую тарелку с чем-то острым, на что Вика тут же посмотрела так, будто он предложил мне подписать отказ от внутренних органов.

— Это не ей, — спокойно сказал он.

— Вот и хорошо, — сказала Вика. — Потому что Даша прилетела отдыхать, а не знакомиться с корейской кухней через клинический опыт.

— Я вообще-то люблю острое, — заметила я.

Вика повернулась ко мне, но сказать ничего не успела. Сеичи молча придвинул ей стакан ближе. Вика даже не посмотрела, просто взяла. И вот эта маленькая бытовая автоматичность почему-то зацепила меня сильнее, чем вся их вчерашняя “дорамность”.

Очень нечестный уровень отношений. Я отвела взгляд и уткнулась в кофе.

— Так, — сказала Вика спустя пару минут уже другим тоном, подозрительно бодрым. — Раз уж мы выяснили, что лежать в тишине тебе нельзя, потому что мозг начинает показывать авторское кино без возрастного рейтинга, у меня есть план.

Я насторожилась. Вика взяла телефон и начала что-то быстро листать.

— Сегодня ты едешь на экскурсию.

Я моргнула.

— Куда?

— По городу. Туристическая группа. Достопримечательности, обзорные точки, дворец, старые кварталы, рынок, возможно, башня, если успеешь. Короче, стандартный набор человека, который прилетел в Сеул и должен перестать смотреть на стены так, будто они сейчас начнут дышать.

Я медленно поставила чашку.

— Вика.

— Что?

— Я вчера прилетела.

— Именно.

— Сегодня утром у меня была мини-дуэль со одеялом

— И ты победила. Надо закрепить успех.

— Я не уверена, что достопримечательности Кореи готовы к моему внутреннему состоянию.

— Даша, достопримечательности Кореи пережили японскую оккупацию, войны, туристов с селфи-палками и блогеров, которые снимают “секретные места, о которых знают все”. Они переживут тебя.

Сеичи тихо кашлянул. Кажется, чтобы скрыть смешок.

Я посмотрела на него.

— А ты что думаешь?

Он не стал сразу отвечать. За это ему плюс. Сначала посмотрел на Вику, потом на меня, потом снова на свой кофе.

— Думаю, тебе будет полезно выйти из квартиры, но не одной.

— Вот, — Вика ткнула в его сторону телефоном. — Видишь? Даже дорамный мужик согласен.

— Я не дорамный мужик, — спокойно сказал Сеичи.

— Поздно, — сказала я. — Образ закреплён.

Он вздохнул так, будто смирился со своей тяжёлой судьбой.

Я забрала у Вики телефон и посмотрела на экран. Тур действительно выглядел прилично. Небольшая группа. Английский язык. Несколько локаций. Без “экстремальных приключений”, “ночных легенд” и “почувствуйте дыхание древнего города”, за что отдельное спасибо, потому что с дыханием древних мест я сегодня знакомиться не планировала.

— Сколько человек в группе?

— До двенадцати, — сказала Вика. — Не толпа, но и не индивидуальная прогулка, где экскурсовод будет смотреть тебе в душу.

— Хорошо.

Я пролистнула программу. Дворец. Традиционный квартал. Смотровая площадка. Музейный павильон. Рынок. Маленькая ремесленная улица.

Мозг, этот предатель, на секунду даже заинтересовался.

Журналистская часть меня, та самая, которую я последние годы пыталась вырастить вопреки коме, провалам памяти и всему остальному цирку с конями, тихо подняла голову.

Город. Люди. Маршрут. Туристический взгляд на культуру. Как продаётся традиция. Что показывают иностранцам. Что скрывают за красивыми вывесками. Как современный Сеул упаковывает прошлое для тех, кто прилетел на три дня и хочет “вайб”.

Я поймала себя на том, что уже мысленно формулирую заметку. Вот же зараза.

— У тебя лицо изменилось, — сказала Вика.

— Ничего не изменилось.

— Изменилось. Ты сейчас выглядишь как человек, который нашёл себе оправдание выйти из дома и назвать это исследованием.

Я вернула ей телефон.

— Я журналист. Мне положено всё называть исследованием. Даже нервный срыв можно подать как полевое наблюдение.

— Вот! — Вика довольно хлопнула ладонью по столу. — Значит, едем.

— “Едем”? — уточнила я.

— Я хотела с тобой, но, — она выразительно посмотрела на свой живот, — меня тут кое-кто временно перевёл в режим разумной женщины.

— Временно? — переспросил Сеичи.

— Не цепляйся к деталям.

Я посмотрела на неё внимательнее.

— Ты не поедешь?

— Нет. Сегодня тебе лучше без меня.

— Почему?

— Потому что со мной ты будешь всё время проверять, не устала ли я, не голодна ли я, не собираюсь ли я родить посреди дворца под комментарии экскурсовода. А так ты хотя бы посмотришь на город.

— Справедливо, — признала я.

— И ещё потому что, если я поеду, Сеичи будет нервно следить сразу за двумя женщинами, а у него лицо от этого становится невыносимо благородным.

— Я могу справиться, — сказал Сеичи.

— Вот именно это лицо, — сказала Вика. — Видишь, Даш?

— Вижу. Очень тяжёлое зрелище.

Сеичи покачал головой, но спорить не стал.

— Тогда как я туда доберусь? — спросила я.

— Такси до места сбора, — сказала Вика. — Я всё закажу. Гид нормальный, отзывы хорошие. Группа международная, никто не будет лезть с вопросами, почему ты выглядишь как человек, который поспорил с одеялом.

— А если будут?

— Скажешь, что ты из России. Люди сразу решат, что это культурная особенность.

Я подавилась кофе.

— Вика!

— Что? Рабочая легенда.

— Ужасная.

— Зато простая.

И вот тут я впервые за утро нормально рассмеялась. И снова посмотрела на программу тура. Дворец, квартал, рынок, смотровая. Обычный туристический день. Никаких хвостов. Никаких подземелий. Никаких чужих тел. Максимум — гид с флажком и люди, которые будут фотографировать крышу под правильным углом.

Может, именно это мне и нужно. Выйти туда, где слишком много света, шума, людей, запахов, вывесок и фактов. Факты всегда помогали. Факты не требовали верить в себя. Их можно было записать, проверить, разложить по пунктам.

Я потянулась к своему телефону.

— Ладно. Скидывай ссылку.

Вика победно улыбнулась.

— Вот это моя девочка.

— Не радуйся раньше времени. Я еду не развлекаться.

— Конечно.

— Я собираю материал.

— Разумеется.

— Возможно, потом сделаю из этого проект.

— Несомненно.

— Ты сейчас издеваешься?

— Поддерживаю творческий процесс.

Сеичи поставил передо мной бутылку воды.

— Возьми с собой.

Я посмотрела на бутылку. Потом на него.

— Ты сейчас включил режим заботливого папочки?

— Нет.

— А звучало похоже.

— Тогда режим ответственного принимающего лица.

— Так лучше.

Он едва заметно улыбнулся. Вика уже что-то быстро оформляла в телефоне.

— Всё. Место сбора через час двадцать. Успеешь собраться?

Я посмотрела на себя. На худы. На волосы. На кружку. На собственные руки, которые уже почти не дрожали.

— Успею.

— Хорошо. Только удобную обувь. И пауэрбанк.

— Журналистский минимум, — сказала я.

— И паспорт.

— Туристический минимум.

— И не геройствовать.

Я подняла взгляд.

— Вика.

Она замолчала. В этот раз я не стала отшучиваться сразу.

— Я не разваливаюсь, — сказала я. — Меня просто... иногда клинит. Но я не стеклянная.

Вика посмотрела на меня долго. Слишком внимательно. Потом кивнула.

— Знаю.

— Нет. Ты переживаешь так, будто я сейчас выйду за дверь и рассыплюсь.

— Я переживаю, потому что ты мне не чужая.

— Это принимается. Но без режима “Даша в пузырчатой плёнке”, ладно?

Она медленно выдохнула.

— Ладно.

Сеичи молчал, но я видела, что слушает.

— И ты тоже, — добавила я ему.

Он поднял брови.

— Я ничего не сказал.

— У тебя лицо сказала.

— Моё лицо будет осторожнее.

— Спасибо.

Вика вдруг улыбнулась. Уже мягче.

— Всё. Тогда план такой: ты едешь, смотришь, записываешь свои журналистские наблюдения, возвращаешься, рассказываешь мне, почему туристический Сеул — это социальная конструкция.

— А если мне понравится?

— Тогда расскажешь, почему тебе понравилась социальная конструкция.

— Идеально.

Я встала из-за стола. У двери кухни я остановилась и обернулась.

— И да, — сказала я, — Если гид окажется красивым, высоким и загадочным, я сразу уйду.

Вика приснула. Сеичи посмотрел на неё.

— Что?

— Ничего, — быстро сказала она. — Просто меры безопасности становятся всё конкретнее.

Я показала ей средний палец и пошла собираться

В комнате чемодан всё ещё был открыт. Одеяло лежало на кровати неидеально сложенной серой кучей, но уже не казалось живым. Я всё равно обошла его с небольшим запасом.

Затем достала джинсы, футболку, лёгкую куртку, удобные кроссовки и блокнот.

Блокнот был самым важным. Я провела пальцами по обложке и почувствовала, как внутри что-то чуть-чуть становится на место.

Не всё. Даже не половина. Но хотя бы один маленький кусок. Если я могу записывать — значит, я не только объект странных событий. Я наблюдатель. Я могу выбирать, что заме-

чать. Могу задавать вопросы. Могу делать выводы и превращать это в текст. А это уже почти контроль. Почти мой.

ГЛАВА 9. НЕ ДЕЛАЙ ИЗ ЛЮБВИ КЛЕТКУ

Когда дверь за Дашей закрылась, Вика ещё несколько секунд смотрела в прихожую. Не потому что ждала, что та сейчас передумает, вернётся, заявит, что экскурсии — зло, а туристические группы придумали специально, чтобы добивать людей после кошмаров.

— Она справится, — сказал Сеичи спокойно.

Вика повернула к нему голову.

— Я знаю.

Он внимательно посмотрел на неё.

— Но?

— Но я всё равно буду проверять телефон каждые десять минут.

— Каждые пять.

— Не придирайся к деталям.

Сеичи едва заметно улыбнулся, но улыбка быстро исчезла. Он подошёл к окну, из которого было видно улицу перед домом. Такси уже отъехало, растворившись в утреннем потоке машин.

Вика сложила руки на груди.

— Ты отправил кого-то за ней?

Сеичи не стал делать вид, что не понял.

— Да.

Она подняла брови.

— Быстро.

— Я сделал это ещё до того, как она вышла.

Вика медленно вдохнула.

Не резко. Не с тем самым выражением, после которого здравомыслящие мужчины начинали искать ближайший аварийный выход. Просто вдохнула, досчитала до трёх и только потом спросила:

— Сеичи.

— Я не отправил охрану в привычном смысле.

— А в каком?

— Один человек будет держаться на расстоянии. Если Дахор появится рядом — я узнаю.

Вика посмотрела на него долго, затем отвернулась к кухонному столу, где всё ещё стояли чашки после завтрака. Дашина была почти пустой. Рядом лежала забытая салфетка, на которой та машинально нарисовала несколько кривых линий — то ли маршрут, то ли просто попытку занять руку.

— Я просила не дать ему забрать её, — сказала Вика.

— Я помню.

— Следить за ней — это уже тонкая грань.

— Поэтому я говорю тебе сейчас.

Она снова посмотрела на него, после чего устало провела ладонью по лицу.

— Ладно.

Сеичи немного расслабился.

— Ладно?

— Не радуйся. Это не амнистия. Это временное признание того, что я сама попросила держать Дахора подальше.

— Я понял.

— И если твой человек хоть раз полезет к Даше с разговорами, советами, спасением или лицом “мы просто беспокоимся”, я лично откушу тебе голову.

— Я лучше дам тебе нож. Береги зубы.

Она фыркнула и опустилась на стул. Злости как таковой не было. Была тревога — тяжёлая, вязкая, очень взрослая. Та, которая не кричит, а садится рядом, открывает блокнот и начинает считать варианты.

Сеичи сел напротив.

Некоторое время они молчали.

— Я не понимаю одного, — сказала Вика наконец.

— Чего?

— Даард смог отпустить меня.

Сеичи не перебил.

— Не сразу конечно, но все же — продолжила она. — Даже он. А ваш император... — она замолчала, подбирая слова. — Почему он снова возник перед Дашей? Почему спустя столько лет?

Сеичи положил ладони на стол.

— Потому что он не советник.

— Спасибо, очень информативно.

— Я не уклоняюсь. Просто это правда. У Даарда и тебя связь уже прошла через зверя, который получил право чувствовать тебя напрямую и одновременно столкнулся с последствиями своей ошибки. Дахор с Дашей в другой точке.

Вика нахмурилась.

— Ты хочешь сказать, он не чувствует её?

— Не так.

— Но ты сам говорил, что змайсам важно психологическое состояние их хранимых.

— Хранимых, — мягко уточнил Сеичи.

Вика замолчала. Он не стал развивать сразу. Дал ей самой дойти.

— Она не его хранимая, — медленно сказала она.

— Нет.

— Потому что...

— Потому что между ними не было того, что создаёт полноценную связь.

— Интима, — сказала Вика прямо.

Сеичи кивнул. Она откинулась на спинку стула и посмотрела в сторону прихожей.

— Её кошмар из-за него.

Сеичи молчал.

— Я видела утром, как она смотрела на этот несчастный шнурок, — Вика потеряла переносицу. — Я помню Элтаэ, Сеичи. Я помню, что для меня это путешествие тоже не было прогулкой с красивыми видами.

— Я знаю.

— Но Даша... Она ведь не выбирала даже тот уровень правды, который был у меня. Её просто швыряло между телами. И теперь он появляется в кафе, смотрит на неё своими темными глазами, и что? У неё ночью снова мучают кошмары?

— Возможно.

— Прекрасно.

Вика сказала это ровно. Почти спокойно. Сеичи потянулся через стол и накрыл её руку своей.

— Я не позволю ему подойти без предупреждения.

— А если Даша сама захочет знать?

— Тогда мы скажем.

— Не “подготовим удобную версию”?

Он выдержал её взгляд.

— Нет.

Вика переплела пальцы с его пальцами.

— Я не говорю, что нужно посадить её на диван и вывалить всё: “Привет, Даша, тот красивый красноволосый мужчина — император-змея из параллельного мира, возможно, связан с твоими кошмарами, приятной экскурсии”. Я не идиотка.

— Я никогда так не думал.

— Надеюсь. Но она взрослая. Ей тридцать один. Она не ребёнок, которого можно отвлечь мультиками, пока взрослые решают судьбу в соседней комнате. Если правда касается её тела, её памяти, её страха — она имеет право знать.

Сеичи кивнул.

— Согласен.

Вика чуть прищурилась.

— Ты слишком быстро согласился.

— Потому что ты права.

— Непривычная, но приятная стратегия.

Он тихо усмехнулся.

— Я учусь.

— Учись быстрее. Она сегодня поехала на обычную экскурсию. В обычный город. С обычной группой людей. Пусть у неё хотя бы один день будет нормальным.

Сеичи задержал взгляд на её лице.

— Ты правда веришь, что он будет нормальным?

Вика посмотрела на телефон, где уже открылась карта маршрута Дашиной экскурсии.

— Нет, — сказала она честно. — Но я хочу дать ей шанс.

Лондон спал плохо.

Шарлотта всегда считала, что у этого города бессонница где-то на уровне фундамента. Даже ночью он не затихал полностью: трубы шумели, старые стены потрескивали, где-то за окном проезжали редкие машины, туман с Темзы цеплялся за стекло так, будто тоже хотел попасть внутрь и ознакомиться с документами.

Она закрыла папку только после третьего напоминания организма о том, что позвоночник у неё всё-таки один и менять его в ближайшее время не планируется.

Итой из гостиной не напоминал.

Это было подозрительно. Раньше он бы появился в дверях ровно через час после того, как она сказала “ещё десять минут”. Потом через двадцать минут после этого. Потом, если совсем терял терпение, начинал проходить мимо кабинета с такой демонстративной случайностью, что даже мебель выглядела осуждающе.

Теперь не появлялся. Воспитанный. Почти.

Шарлотта выключила настольную лампу, собрала две папки в стопку и оставила третью открытой — нарочно. Если Итой утром решит, что не заметил, что она пометила красным его “предварительно несущественные” выводы, это будет уже не её проблема.

В спальне было темно и тепло. Итой лежал на своей стороне кровати с книгой в руках. Шарлотта остановилась в дверях.

— Ты хотя бы страницу перевернул за последние полчаса?

— Да.

— В обратную сторону?

— Один раз. В исследовательских целях.

Она устало покачала головой и прошла к шкафу.

— Если ты собирался доказать, что не караулил меня, попытка провалилась.

— Я не караулил.

— Итой.

— Я ждал.

— Гораздо приличнее, но смысл тот же.

— Не совсем. Караул подразумевает возможность вмешательства. Ожидание — признание, что объект сам решает, когда закончить работу.

Шарлотта сняла свитер и бросила его на кресло.

— Объект?

Он поднял взгляд от книги.

— Человек, которого я чрезвычайно разумно не стал вытаскивать из кабинета силой.

— Поздравляю с базовым уровнем цивилизованности.

— Спасибо. Путь был долг.

Она переделась в мягкую ночную рубашку, выключила маленький светильник у шкафа и легла, повернувшись к нему спиной.

— Книгу убери. Ты всё равно не читаешь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты держишь её вверх ногами.

Послышался шорох страниц.

— Теперь нет.

Шарлотта закрыла глаза.

— Невероятный прогресс.

Матрас за спиной тихо прогнулся. Итой убрал книгу на тумбочку. Потом стало тихо. Она уже почти решила, что он действительно проявит благородство и останется на своей половине, когда его рука легла ей на талию.

Шарлотта вздрогнула.

— Ты подкрался.

— Я переместился в пределах кровати.

— Без предупреждения.

— Это не твой кабинет.

Она открыла глаза.

— Что?

Итой придвинулся ближе, обнимая её со спины. Осторожно, но явно с тем самодовольным спокойствием, которое означало: аргумент он приготовил заранее и теперь намерен им наслаждаться.

— Кабинет — твоя территория, — сказал он. — Дверь, стол, папки, право входа, право молчания, право выгнать меня взглядом. Я признаю эти правила.

— Как великодушно.

— Спальня — общая территория.

— И что?

— А на общей территории я имею право на умеренное количество шалостей.

Шарлотта медленно повернула голову насколько могла.

— Шалостей?

— Да.

— Тебе несколько столетий.

— Это не помеха.

— Это должно быть отягчающим обстоятельством.

Он уткнулся носом ей в волосы.

— Ты пахнешь бумагой.

— Это не комплимент.

— Для тебя — комплимент.

Она хотела возразить, но не успела: его ладонь чуть крепче легла на её живот, не удерживая, а просто обозначая присутствие. Тёплая. Знакомая. Не требующая немедленного ответа.

Шарлотта расслабилась не сразу.

— Я могу отодвинуться, — сказал он тише.

Вот за это она его иногда почти ненавидела. Не за то, что спрашивал. А за то, что научился спрашивать именно тогда, когда ей уже не хотелось, чтобы он отодвигался.

— Не нужно, — сказала она.

Он не ответил сразу. Только выдохнул ей в волосы.

— Хорошо.

Несколько минут они лежали молча. За окном шуршал Лондон. Где-то вдалеке прошла машина. Дом тихо скрипнул, как старое судно.

— Ты опять не спишь из-за срока? — спросила Шарлотта.

Рука на её талии едва заметно напряглась.

— Я думал, мы собирались спать.

— Я собиралась. Потом ко мне в кровать пробрался мужчина с выражением лица “я не читаю книгу, потому что мысленно спорю с календарём”.

— Ты не видела моего лица.

— Я живу с ним почти шесть лет. Мне не обязательно видеть.

Итой молчал. Шарлотта повернулась в его руках. Теперь они лежали лицом друг к другу. В темноте его глаза казались почти чёрными, только у самого зрачка иногда проступал холодный свет.

— Скажи, — потребовала она.

— Что?

Она посмотрел на него долго.

— Я боюсь, — сказал наконец.

Шарлотта провела пальцами по его щеке.

— Знаю.

— Это не делает меня менее раздражающим?

— Нет.

— Жаль.

— Но делает честнее.

Он поймал её руку и поцеловал пальцы. Без той опасной нежности, которой можно закрыть разговор. Просто коснулся губами, как будто признавал факт её присутствия.

— Я не буду делать из тебя срок, — сказал он.

— Хорошо.

— Не буду делать из тебя дверь.

— Ещё лучше.

— Но если ты снова решишь работать после полуночи, я оставляю за собой право быть недовольным.

— На общей территории?

— Везде.

— А вот это уже нарушение границ.

— Я готов вынести письменное предупреждение.

Шарлотта тихо рассмеялась.

— Ты невыносим.

— Зато обучаем.

— Медленно.

— Качественно.

Она покачала головой и снова повернулась к нему спиной, уже сама притянув его руку обратно на талию.

— Спи, Хортар.

— Слушаюсь, Маккензи.

— И не считай дни.

— Я не считаю.

— Итой.

Пауза была очень говорящей.

— Хорошо. Не буду.

— Вот теперь прогресс.

Он прижался ближе. Иногда это просто лежать в темноте, слышать её дыхание и не пытаться купить у времени ещё одну минуту раньше, чем она сама попросит.

Шарлотта уже почти уснула, когда он тихо сказал:

— Шарлотта.

— М-м?

— Завтра я покажу тебе один документ.

Она не открыла глаз.

— Тот, который ты сегодня назвал предварительно несущественным?

— Вероятно.

— Я пометила его красным.

— Я заметил.

— Хорошо. Значит, завтра начнём с него.

— Да.

Она сонно усмехнулась.

— Видишь? Когда не прячешь правду, у нас остаётся больше времени на шалости.

Итой замолчал. А потом тихо рассмеялся ей в волосы.

— Убедительный аргумент.

— Я знаю.

За окном туман прижался к стеклу, но в спальню не вошёл. Здесь дверь была закрыта. И впервые за долгое время Итой не пытался проверить, выдержит ли замок.

ГЛАВА 10. СЛИШКОМ УДОБНОЕ СОВПАДЕНИЕ

Такси остановилось у тротуара. Я расплатилась, вышла и сразу получила в лицо Сеул во всей его утренней самоуверенности. Точка сбора оказалась у выхода из метро. Рядом уже стояла группа. Я сразу поняла: это будет не экскурсия, а социальный эксперимент.

Пара блогеров в одинаковых бежевых куртках снимала друг друга на фоне вообще всего. У парня была камера, у девушки — лицо человека, который знает свой лучший ракурс лучше, чем дату рождения. Чуть дальше стоял высокий немец с фотоаппаратом и выражением, будто он приехал не смотреть Сеул, а проводить аудит геометрии улиц. Рядом с ним британская пенсионерка в ярком шарфе листала бумажный путеводитель с таким видом, будто она лично проверяла, не испортился ли город со времён предыдущей редакции.

Ещё была польская девушка в розовой шапке, которая радостно сказала кому-то:

— I hope we see something like in dramas!

Я медленно отвернулась. У бордюра стоял гид. Корейка лет тридцати, короткая стрижка, красная папка, микрофон и такая бодрость в глазах, какую, по моему глубокому убеждению, надо выдавать только по рецепту.

— Good morning, everyone! My name is Jisoo, and today we will see historical Seoul, cultural Seoul and modern media Seoul.

Я подняла голову.

Modern media Seoul?

Вика присылала мне программу. Там были дворец, старые кварталы, рынок и смотровая. Про “медиа-Сеул” я что-то не помнила.

Я открыла ссылку ещё раз. Внизу программы мелким шрифтом появилась строка: **Special stop: Digital Media City cultural showcase. Optional.**

Гид тем временем пересчитала нас по головам, выдала наклейки с номером группы и предупредила, что в исторических местах надо уважать пространство местных жителей, не шуметь и не фотографировать частные дома.

Блогерша сразу спросила, можно ли снимать сторис. Джису улыбнулась так профессионально, что я почти услышала, как у неё внутри умерла маленькая часть души.

— Yes, but please be respectful.

Экскурсия началась бодро. Первой остановкой был Кёнбоккун.

Дворец встретил нас широким пространством, каменными дорожками, цветными крышами, горами вдали и туристами, которые фотографировали всё подряд с таким энтузиазмом, будто без них дворец мог исчезнуть.

Гид рассказывала про династию Чосон, королей, церемонии, вторжения, разрушения и восстановления, а я слушала и записывала обрывками.

На церемонии смены караула немец фотографировал так, будто от чёткости кадра зависла безопасность Европы. Британская пенсионерка громко заметила, что в прошлый раз барабаны звучали “чуть увереннее”. Гид Джису сделала вид, что не услышала. Блогеры снимали себя на фоне караула, стараясь выглядеть спонтанно в восьмой попытке.

Я записала:

Туристы делятся на два типа: те, кто смотрит на объект, и те, кто доказывает объекту, что они тоже здесь были.

После дворца нас повели к автобусу. Следующая остановка — Букчон.

Вот там стало веселее. Узкие улицы, ханоки, аккуратные крыши, таблички с просьбами не шуметь, туристы, которые эти таблички фотографировали, а потом громко обсуждали, как мило здесь всё устроено.

— People actually live here, — напомнила гид.

Блогерша тут же прошептала в камеру:

— Guys, people actually live here!

В одном из переулков группа растянулась. Немец ушёл снимать крышу под углом, который, видимо, снился ему с детства. Британская пенсионерка остановилась у маленького магазина керамики. Польская девушка рассматривала открытки.

Я отошла на пару шагов, чтобы не мешать никому своим внутренним исследовательским лицом, и заметила мужчину на другой стороне улицы.

Обычный. Тёмная куртка. Кепка. Телефон в руке. Я посмотрела на него. Он посмотрел не на меня — мимо. Очень грамотно мимо. Либо у меня паранойя, либо человек работает.

Я достала телефон и сделала вид, что фотографирую вывеску. На самом деле сняла кусок улицы так, чтобы он попал в край кадра.

Мужчина не отреагировал. Профессионал. Или просто местный, который ждёт жену из магазина, а я уже строю международный заговор из кепки и скучного лица.

В Инсадоне группа ожила окончательно.

Тут были лавки, галереи, чайные, кисти, бумага, керамика, сладости, витрины, сувениры и ощущение, что традицию здесь не просто сохраняют, а красиво упаковывают, перевязывают ленточкой и продают в трёх размерах.

В маленькой галерее нам дали десять минут свободного времени. Остальные рассредоточились по витринам. Я задержалась у серии современных гравюр по мотивам старых легенд.

На одной была женщина у горы, тёмный склон, раскрытый как дверь. Перед ним стояла маленькая фигура, за ней — люди с фонарями.

Я прочитала подпись на английском: **The Bride Who Followed the Mountain Spirit.**

Невеста, следовавшая за горным духом. Ну конечно. Куда же без духов, невест и добровольности, которая в легендах всегда подозрительно удобна для тех, кто потом рассказывает историю.

— This one is popular, — сказала продавщица. — Old motif. Love, destiny, mountain promise.

Тут в галерею заглянула Джису.

— Everyone, please gather outside. We are going to Digital Media City earlier. There is a live filming schedule, so we need to be on time.

Автобус до Сангама ехал около получаса.

Гид рассказывала про современный Сеул, корейскую волну, телевидение, стриминговые платформы, музыкальные шоу, международный контент и район, где медиа живут не в редакциях, а целыми зданиями.

Digital Media City встретил нас стеклом.

После дворцов, переулков и ремесленных лавок это выглядело как резкая смена жанра. Будто Сеул закрыл альбом с историческими иллюстрациями и открыл презентацию для инвесторов.

Башни. Экраны. Фасады, на которых что-то двигалось, рекламировалось, сияло. Люди с бейджами. Кофейни, где сидели настолько занятые молодые специалисты, что даже их айсы американо выглядел карьерно мотивированным.

— This area is one of the centers of Korean broadcasting and digital content, — объясняла Джису. — Today we have a short cultural media showcase. If you don't want to participate, you can just look around.

Внутри небольшого павильона было светло, слишком аккуратно и слишком продуманно. У входа стояла стойка. На ней белыми буквами на глубоком синем фоне было написано:

**SEOUL IN TRANSLATION
 International Contributor Programme**

Ниже мелким:

City essays · short video notes · cultural observation · foreign perspectives

Я остановилась. Город в переводе. Смешно. Я прилетела в страну, где пока не могла перевести даже собственную нервную систему, а мне предлагали переводить Сеул.

Очень своевременно, дорогая вселенная. Прямо сервис.

Рядом со стойкой стояла девушка в сером костюме. Не корейская, возможно европейка или смешанного происхождения. Идеальная укладка, бейдж, улыбка, которая была тёплой ровно до той степени, которую разрешает корпоративный брендбук.

Мне протянули буклет. Я взяла. На обложке: городские кадры, иностранцы с камерами, короткие цитаты о Сеуле, QR-код для подачи заявки.

Seoul in Translation: International Contributor Programme.

Организатор:

Meridian Seoul Studio.

Внизу ещё мельче:

Supported by Meridian Global Media Asia-Pacific.

Meridian.

Название было красивое. Я перевернула буклет.

— What kind of contributors are you looking for?

Девушка оживилась.

— Writers, young journalists, documentary students, bloggers with a strong cultural perspective. We collect short essays and video observations from foreigners in Seoul. Not tourist reviews. Personal urban lenses.

На соседней площадке тем временем началась съёмка. Туристов попросили пройти чуть ближе к экрану, где показывали заставку проекта. Блогеры ожили так, будто их позвали к алтарю. Немец сразу уточнил, можно ли снимать съёмку съёмки. Британская пенсионерка сказала, что в BBC раньше свет ставили иначе. Никто не понял, что с этим делать.

К нам подошёл парень с планшетом.

— Consent form, please. Only if you agree to appear in background shots.

Он протянул мне планшет. Я не взяла.

— Can I read it first?

Парень растерялся на полсекунды.

— Of course.

Я взяла планшет и начала читать. Согласие на использование изображения. Съёмка в публичном пространстве. Промоматериалы проекта. Международное распространение. Отзыв согласия через письменный запрос. Юрисдикция — Корея. Продакшен — Meridian Seoul Studio.

Нормально составлено.

— You don't have to sign, — сказала девушка в сером костюме. — We can blur your face.

У нас завязался короткий разговор после которого я отошла в сторону, к краю площадки.

И увидела мужчину в кепке. Того самого, из Букчона. Он стоял у стеклянной стены павильона и смотрел куда-то в телефон.

Тут один из блогеров, парень в бежевой куртке, решил отойти назад, чтобы снять свою девушку на фоне большого экрана. Он шагнул, не глядя, прямо под катящуюся стойку с осветительным оборудованием, которую толкал ассистент.

Всё произошло быстро. Ассистент не успевал остановиться. Блогер не видел. Девушка с камерой уже открыла рот.

Я дёрнулась вперёд, скорее инстинктивно, чем героически. Но мужчина в кепке оказался быстрее. Он шагнул, схватил блогера за плечо и отдёрнул ровно настолько, чтобы стойка проскочила мимо. Никакой драматической сцены. Никакого “ах”. Просто короткое движение, выверенное и очень спокойное.

Блогер возмутился:

— Hey!

Мужчина отпустил его.

— Sorry, sir. Equipment.

Английский без акцента. Или почти без. Он тут же отошёл. Девушка из Meridian оказалась рядом снова.

— Are you alright?

— Me? Yes.

— You looked worried.

— Occupational habit.

— Journalist?

— Russian.

— Is that the same?

— Sometimes worse.

Она рассмеялась уже почти искренне. Потом протянула мне визитку.

— If you decide to apply, contact me directly. My name is Mina Kang. I coordinate international contributors.

Я посмотрела на карточку. Белая. Плотная. Хорошая бумага. Синий логотип Meridian. Серебристая тонкая линия, похожая на меридиан на карте.

**Mina Kang
 International Contributor Coordinator
 Meridian Seoul Studio
 Seoul in Translation**

На обороте — QR-код.

— No pressure, — сказала Мина.

Вот это обычно и значит, что давление просто хорошо одето.

— Of course, — сказала я. — No pressure is my favourite kind of pressure.

Она улыбнулась.

— I hope we'll hear from you.

— Я тоже надеюсь услышать от себя что-нибудь внятное, — пробормотала я по-русски.

— Sorry?

— I said I'll think about it.

— Please do.

Я убрала визитку в блокнот. Через двадцать минут showcase закончился. Туристы получили красивые буклеты, сделали фотографии, блогеры сняли “unexpected media experience in Seoul”, британская пенсионерка сообщила, что “всё это очень современно, но звук в павильоне мог бы быть теплее”, и группа снова погрузилась в автобус.

Я села у окна. Достала блокнот. Автобус тронулся. За окном стеклянные здания DMC пошли назад, отражая небо, дороги, людей и собственные экраны.

Сеичи открыл сообщение сразу. На снимке была стойка с синим логотипом. Туристы. Экран с надписью **SEOUL IN TRANSLATION**. И Даша, стоящая чуть в стороне, с блокнотом в руках.

Второе фото — визитка. Сеичи увеличил изображение. **Meridian Seoul Studio**. Он не изменился в лице. Только Вика, сидевшая на диване с планшетом и чашкой сока, сразу подняла голову.

— Что?

Сеичи молчал.

Она поставила стакан.

— Сеичи.

Он повернул к ней экран. Вика посмотрела на логотип. Потом на его лицо.

— Только не говори мне, что у экскурсии был хвост.

Сеичи убрал телефон.

— Не у экскурсии, а у проекта.

ГЛАВА 11. УБЕРИ СВОЕГО ЧЕЛОВЕКА

Телефон завибрировал почти сразу. Вика посмотрела на экран.

LEE DO-HYAN

Имя высветилось сухо, без фотографии, без лишних деталей. Так обычно выглядели контакты людей, которые и в телефонной книге умудрялись казаться угрозой.

Сеичи не потянулся к аппарату сразу. Сначала посмотрел на Вику. Раньше он бы, возможно, вышел в другую комнату. Теперь он остался. Вика медленно откинулась на спинку дивана и положила ладонь на живот.

— Включай, — сказала она.

Сеичи принял вызов и положил телефон на стол.

— Убери своего человека, — сказал Дахор.

Сеичи даже не изменился в лице.

— Нет.

Пауза вышла короткой, но в этой короткости что-то неприятно звякнуло. Как если бы два клинка ещё не столкнулись, но уже оказались достаточно близко.

— Это не просьба, — произнёс Дахор.

— Я понял.

— Тогда убери.

— Нет.

Вика сжала губы. Очень хотелось сказать что-нибудь вроде: “Дахор, а ты не охренел звонить в мой дом с приказами?” — и заодно уточнить, с какого момента экскурсия Даши превратилась в заседание совета директоров древних рептилий.

Дахор заговорил снова:

— Ты мешаешь.

— Да.

Ответ был настолько спокойным, что Вика всё-таки посмотрела на мужа внимательнее.

Сеичи сидел в кресле, слегка наклонившись вперёд. В домашней одежде. С мягкими, чуть растрёпанными после утра волосами. Человек, который десять минут назад собирался заказать ужин и спорил с ней о количестве острого в еде.

И при этом голос у него был такой, будто где-то за его спиной уже беззвучно поднимались юристы, службы безопасности, семейные связи, фонды, клиники, закрытые кабинеты и люди в гражданском, которые умели исчезать из кадра лучше любой магии.

— Смелее, чем я помню, — сказал Дахор.

— Практичнее.

— На Земле?

— Ты сам неплохо освоился.

Вика не слышала дыхания Дахора, но вдруг очень ясно представила его в стеклянной башне. Неподвижного. Собранного. С тем лицом, которое не менялось даже тогда, когда внутри уже начинал двигаться зверь.

— Благодаря тебе, — сказал он.

Сеичи едва заметно прищурился.

— Не злоупотребляй моими уроками.

— Поздно.

Вот это Вике почти понравилось. Потому что в этой короткой фразе Дахор прозвучал именно так, как должен был звучать бывший император, который попал на Землю не как потерянный турист, а как завоеватель, которому просто выдали новые правила игры.

Сеичи сам когда-то помог ему их понять. Теперь Дахор пользовался ими. С точностью существа, который считал любой инструмент своим, если однажды понял, как тот работает.

— Тогда не путай наблюдение с правом вмешиваться, — сказал Дахор.

— Скажи это Meridian.

Вика медленно подняла брови. Сеичи не бил первым. Он просто возвращал удар туда, откуда тот пришёл.

— Не проверяй моё терпение, — произнёс Дахор.

— Не проверяй моих юристов.

Теперь Вика всё-таки взяла стакан с соком, чтобы занять руки.

— Hanseong решил воевать с Meridian? — спросил Дахор.

Голос у него стал почти ленивым. Опасно ленивым.

— Hanseong пока пьёт кофе.

— Тогда пусть продолжает.

— Пока Meridian не лезет туда, куда его не звали.

— Её заинтересовал проект.

— Её заинтересовала красивая вывеска.

— Она не ребёнок.

— Поэтому и не надо вести её как ребёнка.

Тишина натянулась тонкой проволокой. Вика смотрела на телефон и вдруг с неприятной ясностью поняла: они оба говорят правильно. И оба одновременно делают то, чего сами же не хотят признавать. Оба сейчас спорят так, будто главная проблема — кто именно нарушил регламент.

— Ты говоришь так, будто имеешь право решать за неё, — сказал Дахор.

— Нет.

— Тогда отзови человека.

— Нет.

— Сеичи.

Имя прозвучало приказом. Вика почувствовала это кожей: Император. Тот, кто привык, что имя собеседника в его голосе уже является достаточной причиной склонить голову.

Сеичи не склонил.

— Дахор.

Тоже без титула. Тоже ровно. Вика опустила взгляд на стакан, чтобы не усмехнуться. Не потому что было весело. Потому что её муж только что очень вежливо отказался признавать трон в телефонном динамике.

— Ты забыл, с кем говоришь, — сказал Дахор.

— Нет.

— Тогда выбери тон.

— Уже.

На другом конце линии что-то негромко хрустнуло. Вика перестала улыбаться. Сеичи ждал.

— Я могу убрать его сам, — сказал Дахор.

— Можешь.

— И?

— Тогда я отвечу, — сказал Сеичи.

— Корпоративной жалобой? — в голосе Дахора не было насмешки. Скорее скучающее презрение к инструменту, который он уже давно считал изученным.

— Для начала.

— Смешно.

— Нет, — спокойно ответил Сеичи. — Скучно. Долго. Дорого. Очень по-земному.

Вика прикрыла рот ладонью.

Где-то в глубине души она почти пожалела, что Даша этого не слышит. С её журналистским блокнотом это могло бы стать лучшим материалом дня: “Как два древних существа открыли для себя силу бюрократии и сразу начали использовать её в личных целях”.

Сеичи продолжил всё тем же ровным голосом:

— Пожарная проверка. Разрешения на съёмку. Персональные данные. Согласие на использование изображения. Муниципальные согласования. Финансовая отчётность подрядчиков. Договоры с туроператором. Медицинская страховка участников съёмки. Безопасность оборудования в публичном пространстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.